Дэвид Николс

ОДИН ДЕНЬ

Я полюбила эту книгу. Смешную, грустную, нежную...

Джоджо Мойес

Азбука-бестселлер

Дэвид Николс

Один день

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Николс Д.

Один день / Д. Николс — «Азбука-Аттикус», 2009 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-17458-0

15 июля 1988 года. Декстер и Эмма познакомились на выпускном вечере. Они проводят вместе один день. Между ними зарождаются романтические отношения, однако они решают остаться просто друзьями, ведь каждый собирается идти по жизни своим путем. Эмма мечтает стать писателем, но первые годы работает официанткой. Декстер, которого не волнуют финансовые проблемы, начинает карьеру телеведущего. Почти каждый год они встречаются именно 15 июля, но боятся признаться себе в том, что чувствуют друг к другу симпатию, бóльшую, чем дружеская. Что произойдет с ними через год? А через два? Через три, семь… двадцать? Роман Дэвида Николса – одновременно грустная и смешная, трогательная и светлая история о любви.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17458-0

© Николс Д., 2009
© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

Часть первая 6
Глава 1 7
Глава 2 15
Глава 3 27
Глава 4 37
Глава 5 50
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Дэвид Николс
Один день

Максу и Роми, прочтите, когда вырастете.
И, как всегда, Ханне.

David Nicholls
ONE DAY

Copyright © David Nicholls, 2009
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved

© Ю. Ю. Змеева, перевод, 2011
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

Зачем нужны дни?
Дни – это место, где мы живем.
Они приходят и будят нас
Снова и снова.
Каждый день мы должны быть счастливы,
Ведь где еще нам жить, как не здесь?
О, ответ на этот вопрос
Приносят священник и врач.
В длинных пальто
Они спешат к вам по полям.

Филип Ларкин. Дни

Часть первая
1988–1992. 20–25 лет

То был памятный для меня день, потому что он произвел во мне большую перемену. Но так случается с каждым. Представьте себе, что из вашей жизни вычеркнули один особенно важный день, и подумайте, как по-иному повернулось бы ее течение. Вы, кто читает эти строки, отложите на минуту книгу и подумайте о той длинной цепи из железа или золота, из терниев или цветов, которая не обвила бы вас, если бы первое звено ее не было выковано в какой-то один, навсегда памятный для вас день.
Чарльз Диккенс. Большие надежды. Перевод М. Лорие

Глава 1
Будущее

Пятница, 15 июля 1988 года

Рэнкеллор-стрит, Эдинбург

– Мне кажется, самое важное – оставить след, – рассуждала она. – То есть, понимаешь, действительно что-то изменить.

– Изменить мир?

– Не весь мир, нет. Тот маленький кусочек мира, что вокруг нас.

Минуту они лежат молча, прижавшись друг к другу на односпальной кровати, потом одновременно смеются хриплыми предрассветными голосами.

– Невероятно, что я несу. – Она качает головой. – Такая банальность, верно?

– Есть немного.

– Но я пытаюсь тебя воодушевить! Вдохнуть немного возвышенного в твою приземленную душу, прежде чем ты начнешь свое великое путешествие. – Она обращает к нему лицо. – Только вот нужно ли это тебе? Наверняка твое будущее уже аккуратно расписано по пунктикам. Возможно, у тебя даже где-нибудь календарик завалялся с пометками.

– Едва ли.

– Тогда чем ты собираешься заниматься? Каков твой грандиозный план?

– Ну, мои родители заедут за моим барахлом, отвезут к себе, и я пару дней поживу у них в лондонской квартире, повидаюсь с друзьями. Потом во Францию…

– Очень мило…

– Потом, может быть, в Китай, поглядеть, откуда столько шума, после чего, наверное, Индия, попутешествую там немного…

– Увидеть мир, – проговорила она со вздохом. – Это так предсказуемо!

– А что ты имеешь против?

– По мне, так это бегство от реальной жизни.

– По мне, так все только и думают о реальной жизни, – сказал он в надежде, что это прозвучит пессимистично и загадочно.

– Наверное, если тебе это по карману, ничего плохого в путешествиях нет, – фыркнула она. – Но почему просто не сказать: «Я еду отдыхать на два года»? Это же одно и то же.

– Потому что путешествия расширяют горизонты, – ответил он, приподнявшись на одном локте и целуя ее.

– На мой взгляд, твои горизонты и так чересчур широки, – заметила она и отвернулась, хотя всего на секунду; они снова откинулись на подушку. – Вообще-то, я имела в виду не то, что ты делаешь через месяц, а будущее, совсем далекое будущее, когда тебе будет, не знаю… – Она задумалась, точно в голову ей пришла непостижимая мысль, вроде идеи существования пятого измерения. – Сорок или около того. Чем ты хочешь заниматься в сорок лет?

– В сорок лет? – Казалось, сама мысль об этом представлялась ему невозможной. – Понятия не имею. Ничего, если я отвечу, что буду богатым?

– Как несерьезно!

– Ну хорошо, тогда знаменитым. – Он поцеловал ее в шею. – Звучит ужасно, правда?

– Не ужасно… Интересно.

– Интересно! – повторил он, передразнивая ее мягкий йоркширский говор.

Пытается выставить ее дурочкой. Ей не впервой такое слышать: богатенькие мальчики, говорящие смешными голосами, будто акцент – это что-то чудно>е и старомодное. И не впервые она испытала знакомую дрожь неприязни к нему. Высвободившись из его объятий, она прислонилась к холодной спинке кровати:

– Да, интересно. Нам же должно быть любопытно. Столько возможностей! Помнишь, что сказал проректор? «Тысячи возможностей распахнули свои двери перед вами…»

– «Это ваши имена мы увидим в завтрашних газетах…»

– Сомневаюсь.

– Так, значит, тебе любопытно?

– Мне? Боже, нет, конечно! Я боюсь подумать о том, что будет в сорок лет.

– Я тоже. С ума сойти… – Он вдруг повернулся и потянулся за сигаретами, лежащими на полу возле кровати, будто ему срочно понадобилось успокоить нервы. – Сорок лет. Сорок. Уму непостижимо!

Улыбнувшись при виде его смятения, она решила подлить масла в огонь:

– Так все-таки чем ты будешь заниматься в сорок лет?

Он задумчиво закуривает:

– Понимаешь ли, Эм…

– Эм? Что еще за *Эм*?

– Тебя так называют. Сам слышал.

– Меня друзья так называют.

– Так, значит, и мне можно звать тебя Эм?

– Валяй, Декс.

– Итак, поразмыслив над идеей взросления, я пришел к выводу, что хочу остаться таким же, как сейчас.

Декстер Мэйхью. Она смотрела на него сквозь упавшую на лицо прядь волос, опираясь на обтянутую стеганым винилом спинку дешевой кровати, и даже без очков видела, почему он хочет остаться таким же, как и сейчас. У него была одна особенность: он всегда выглядел так, будто позирует для фото. Вот и теперь: глаза закрыты, сигарета приклеена к нижней губе, утренний свет, проходящий сквозь красный фильтр занавесок, окрашивает в теплый тон одну сторону лица. «Красавец». Глупое слово из XIX века, по мнению Эммы Морли, но иначе и не сказать, разве что просто: «Красивый». У него было такое лицо, глядя на которое легко представить форму костей; казалось, даже его голый череп выглядел бы мило. Тонкий, немного лоснящийся нос; темные круги под глазами, почти синяки, – знак отличия, память о выкуренных сигаретах и бессонных ночах, проведенных за игрой в поддавки в стрип-покер с девчонками из частной школы «Бидейлс». Было в нем что-то кошачье: тонкие брови, самодовольно выпяченные губы, полные и, пожалуй, слишком темные, но сухие и потрескавшиеся, фиолетовые от болгарского красного вина. К счастью, хотя бы его прическа была хуже некуда: коротко остриженные волосы сзади и по бокам и нелепый хохолок спереди. Если даже Декстер использовал гель, то он давно выветрился, и теперь хохолок распушился и торчал, похожий на дурацкую маленькую шляпку.

По-прежнему не открывая глаз, он выпустил дым через нос. Видимо, он знал, что она на него смотрит, потому что сунул одну руку под мышку и напряг грудные мышцы и бицепсы. И откуда у него мышцы? Не от занятий спортом уж точно, если купание голышом и бильярд спортом не считать. Наверное, просто хорошая наследственность, что передается из поколения в поколение вместе с акциями и антикварной мебелью. Ну, значит, и вправду красавец или просто красивый парень в спущенных до бедер трусах-боксерах с узором пейсли, который каким-то образом оказался в ее узкой кровати в крошечной съемной комнатушке после четырех лет учебы в колледже. Красавец? Да кем она себя возомнила – Джейн Эйр? Не будь ребенком. Будь разумной. Не увлекайся.

Она взяла сигарету у него из пальцев.

– А я могу представить тебя в сорок, – произнесла она с ноткой злорадства. – Так и вижу, прямо сейчас.

Он улыбнулся, не открывая глаз:

– Так расскажи.

– Ладно… – Она поерзала на кровати, натягивая одеяло до подмышек. – Ты едешь в спортивной машине с опущенным верхом где-нибудь в Кенсингтоне, или в Челси, или в подобном районе, и что самое удивительное в этой тачке, так это то, что она совершенно бесшумна. Потому что в… каком там году? в две тысяче шестом?.. все тачки станут абсолютно бесшумными.

Он нахмурил лоб, подсчитывая в уме:

– В две тысячи четвертом.

– Она летит по Кингс-роуд в шести дюймах над землей, и под обтянутым кожей рулем у тебя маленькое брюшко – оно как маленькая подушка, – а на руках перчатки без пальцев. Волосы твои редеют, у тебя двойной подбородок. Большой человек в маленькой машине, загорелый, как жареная индейка…

– Может, поговорим о чем-нибудь другом?

– А рядом с тобой женщина в солнцезащитных очках – твоя третья, нет, четвертая жена. Очень красивая, модель… хотя нет, бывшая модель, ей двадцать три. Ты познакомился с ней на автосалоне в Ницце, где она возлежала на капоте автомобиля. Она красивая и тупая как пробка…

– Мило. А дети у меня есть?

– Нет, только три бывшие жены. Пятница, июль, и ты направляешься в свой загородный дом. В крошечном багажнике летающей машины – теннисные ракетки, крокетные молотки и корзина для пикника, наполненная дорогим вином, южноафриканским виноградом, бедными маленькими перепелками и спаржей. Ветерок развевает твой редеющий хохолок, и ты чувствуешь себя очень, очень довольным собой. Номер три или четыре улыбается, ослепляя тебя блеском белоснежных зубов, и ты улыбаешься в ответ, стараясь не думать о том, что вам не о чем, абсолютно не о чем поговорить. – Она резко замолчала. Вот ненормальная, сказала она про себя. Разве можно нести такой бред? – Хотя, если тебя это утешит, задолго до этого мы все умрем в ядерной войне! – беззаботно добавила она, но он по-прежнему смотрел на нее хмуро.

– Может, я тогда пойду? Раз я такой пустой и аморальный…

– Нет, не уходи, – слишком поспешно отреагировала она. – Четыре утра на дворе.

Он съехал вниз по спинке кровати, пока его лицо не оказалось совсем близко от ее лица.

– И откуда у тебя такое мнение обо мне, ведь ты меня почти не знаешь.

– Но знаю твой тип.

– Тип?

– Видала я таких, как вы. Ошиваетесь на факультете современного языкознания и рисуетесь друг перед другом, устраиваете приемы в смокингах с черным галстуком-бабочкой…

– У меня даже смокинга нет. И ни перед кем я не рисуюсь…

– Ходите на яхтах по Средиземному морю и тому подобное…

Он положил руку ей на бедро:

– Если я так ужасен…

– Так оно и есть.

– …почему ты тогда со мной спишь? – Он погладил теплую мягкую плоть ее бедра.

– Вообще-то, я с тобой не спала, тебе не кажется?

– Зависит от того, что понимать под этим словом. – Он наклонился и поцеловал ее. – Дай свое определение. – Он провел рукой по ее позвоночнику, а ногой раздвинул ее ноги.

– Кстати, – прошептала она, прикоснувшись губами к его губам и теснее прижимаясь к нему.

– Что?

– Тебе бы зубы почистить не мешало.

– Я же разрешаю тебе не чистить.

– От тебя ужасно воняет, – сказала она сквозь смех. – Вином и сигаретами.

– Ах так? От тебя тоже.

Она отстранилась, прервав поцелуй:

– Правда?

– Я не против. Люблю вино и сигареты.

– Я сейчас. – Она, откинув одеяло, перелезла через него.

– Куда это ты? – Он коснулся ее голой спины.

– В сортир. – Она взяла очки, лежавшие на стопке книг у кровати: стандартная модель, в большой черной оправе.

– Сортир… сортир… Прости, я не знаком с местным жаргоном…

Она встала, прикрыв рукой грудь, осторожно, чтобы он видел только ее спину.

– Не уходи, – произнесла она, выходя из комнаты и поддев резинки трусов двумя пальцами, чтобы расправить ткань на ягодицах. – И не безобразничай тут без меня.

Выпустив дым через ноздри, он сел на кровати, оглядывая бедную съемную комнату и зная с абсолютной уверенностью, что где-то там, среди открыток из музеев и копий афиш остросоциальных пьес, наверняка найдется фотография Нельсона Манделы, который представляется ей кем-то вроде идеального бойфренда. За последние четыре года, проведенные в этом городе, он повидал немало таких спален, разбросанных по городу, как места преступлений. В этих комнатах альбом Нины Симон[1] всегда находился от тебя не больше чем в шести футах, и хотя он, Декстер, редко бывал в каждой из спален дважды, все они были похожи одна на другую. Догоревшие свечи и засохшие цветы в горшках, запах стирального порошка от дешевых простыней не по размеру кровати. У хозяйки этой комнаты тоже была страсть к фотомонтажу, как и у всех девчонок, считавших себя ценителями искусства: пересвеченные снимки подружек по колледжу и родных соседствовали здесь с репродукциями картин Шагала, Вермеера и Кандинского, с портретами Че Гевары, Вуди Аллена и Сэмюэла Беккета. Здесь ничего не было нейтральным, все свидетельствовало о предпочтениях и социальной позиции. Эта спальня была манифестом, и Декстер со вздохом понял, что ее хозяйка – одна из тех, для кого слово «буржуазный» является ругательством. И хотя он мог понять, почему слово «фашист» имеет негативный смысл, ему нравилось понятие «буржуазный» и все, что оно за собой влечет. Уверенность в завтрашнем дне, путешествия, вкусная еда, хорошие манеры, амбиции. В самом деле, за что ему извиняться?

Он залюбовался колечками дыма, которые выпускал изо рта. Нащупывая пепельницу на краю кровати, наткнулся на книгу. «Невыносимая легкость бытия»; в «эротических» местах корешок погнулся. Вот в чем проблема этих девчонок, считающих себя яркими индивидуальностями: все они на одно лицо. Еще одна книга – «Человек, который принял жену за шляпу». Идиот, подумал Декстер, уверенный, что сам никогда не сделает такую ошибку.

Двадцатитрехлетний Декстер Мэйхью знал о своем будущем не больше, чем Эмма Морли. Хотя он и надеялся добиться успеха, стать гордостью своих родителей и спать одновременно более чем с одной женщиной, но не совсем понимал, как все это совместить. Он мечтал, что о нем напишут в журналах и однажды кто-нибудь где-нибудь проведет ретроспективный анализ его работ, однако не имел ни малейшего понятия о том, что это будут за работы. Он жаждал экстремальных ощущений, но без осложнений и неприятностей. Ему хотелось жить так,

[1] *Нина Симон* (1933–2003) – американская певица, пианистка, автор песен. – *Здесь и далее примеч. перев.*

чтобы даже случайно сделанная фотография оказывалась удачной. Его жизнь должна выглядеть успешной. Веселой. Точно, в ней должно быть много веселья и не больше печали, чем совершенно необходимо.

Эти представления не слишком походили на план, и Декстер уже успел наделать ошибок. Вот, к примеру, сегодняшняя ночь наверняка будет иметь последствия: слезы, тягостные телефонные звонки и обвинения. Пожалуй, надо бы сматываться отсюда как можно скорее. Приготовившись бежать, он оглядел комнату в поисках своей разбросанной одежды. Но из ванной донесся предупреждающий рокот допотопного бачка, и Декстер торопливо вернул книгу на место, нащупав под кроватью желтую баночку из-под горчицы. Открыв ее, он обнаружил внутри презервативы и жалкие серые остатки косячка, похожие на мышиные какашки. Увидев, что маленькая желтая баночка сулит заманчивые перспективы – не только заняться сексом, но и дунуть, – Декстер снова преисполнился надежды и решил: пожалуй, можно и задержаться.

Тем временем в ванной Эмма Морли вытерла остатки зубной пасты с губ и подумала: не было ли все случившееся ужасной ошибкой? После четырех лет пребывания в колледже, совершенно бесплодных в романтическом отношении, наконец оказаться в постели с парнем, который ей действительно нравился, причем с тех пор, как она впервые увидела его на вечеринке в 1984 году, – и через пару часов он уезжает! Возможно, навсегда. Ведь вряд ли он попросит ее отправиться с ним в Китай, да и в любом случае она бойкотирует Китай. И ведь он ничего, да? Декстер Мэйхью. По правде сказать, она подозревала, что он не так уж умен и, пожалуй, излишне самодоволен, но зато он популярный, смешной и, что уж говорить, настоящий красавчик. Так откуда взялся этот сарказм и ворчливость? Почему она не может вести себя уверенно и смеяться, как те глянцевые попрыгушки, с которыми он вечно зависает? Рассветное солнце просочилось в крошечное окошко ванной. Отрезвило ее. Расправив ужасно спутанные пряди кончиками пальцев, она поморщилась и, дернув за цепочку устарелого сливного бачка, пошла в комнату.

С кровати Декстер наблюдал, как она появилась в дверях. На ней была мантия и квадратная шапочка с кисточкой: выпускников заставили взять их напрокат для церемонии вручения дипломов. Подражая обольстительным красоткам, она обняла ногой дверной косяк. Глядя на Декстера поверх очков, надвинула шапочку на один глаз:

– Ну как?

– Тебе идет. И мне нравится шапочка набекрень. А теперь снимай ее и иди в кровать.

– Еще чего! Я отдала тридцать монет за этот наряд. Надо же получить хоть что-то за свои деньги. – Она приблизилась к нему и взмахнула полами мантии, как вампирским плащом.

Декстер попытался схватить край мантии, но Эмма швырнула в него свернутым дипломом и села на край кровати, сняв очки и сбросив церемониальное облачение. Он лишь мельком увидел ее голую спину и округлости грудей, прежде чем те исчезли под черной футболкой с надписью о необходимости немедленного всеобщего ядерного разоружения. Вот и все, подумал он. Нет ничего менее сексуального, чем длинная черная футболка с политическим лозунгом – разве что альбом Трейси Чепмен[2].

В расстроенных чувствах он поднял с пола ее диплом, снял тонкую резинку, скреплявшую сверток.

– Английский язык и история, лучшая выпускница.

– Читай и рыдай, троечник. – Она выхватила у него диплом. – Эй, осторожнее!

---

[2] *Трейси Чепмен* – американская певица, которая сама пишет для себя песни, зачастую на острые социальные темы. Активно выступает за гражданское и гендерное равенство, соблюдение прав человека во всем мире. Оказала огромное влияние на студенчество конца 1980-х годов.

– Вставишь в рамку?

– Да, мои предки его размножат и оклеят все стены как обоями. – Она туго свернула диплом в трубку, постучав по концам. – Заламинируют и будут использовать как подставки под тарелки. А мама сделает себе такую татуировку на спине. – Она сунула диплом под кровать.

– А кстати, где твои родители?

– О, они живут по соседству.

– О боже, правда? – Он вздрогнул.

– На самом деле, нет, – засмеялась она. – Они вернулись в Лидс. Папа считает, что отели предназначены для богатеньких. – Ну-ка, подвинься! – добавила она, подтолкнув его на самый край кровати.

Он освободил ей место, с некоторой неловкостью обнял ее за плечи и неуверенно поцеловал в шею. Она повернулась и посмотрела на него, натянув одеяло до подбородка:

– Декс?

– Угу?

– Давай просто пообнимаемся, ладно?

– Конечно. Если ты этого хочешь, – ответил он, как и полагается истинному джентльмену, хотя, по правде говоря, никогда не понимал, какой смысл лежать и просто обниматься.

Обниматься надо со старыми тетушками и плюшевыми мишками. Его лично тошнило от этих нежностей. Пожалуй, пора признать свое поражение и как можно скорее убраться отсюда… но она уже по-собственнически устроилась на его плече, и какое-то время они так и лежали – неподвижно, смущаясь. Наконец она произнесла:

– Не могу поверить, что я предложила пообниматься. Черт, пообниматься! Извини.

– Ничего, – улыбнулся он. – Хорошо хоть не *пообжиматься.*

– Пообжиматься – куда уж хуже.

– Или потискаться.

– Какой кошмар! Давай пообещаем друг другу, что никогда не будем тискаться, – сказала она и тут же об этом пожалела.

Чтобы она и он тискались? Вряд ли это когда-нибудь случится. Они снова на некоторое время замолчали. Восемь последних часов они болтали и целовались, и теперь оба испытывали непреодолимую усталость во всем теле, которая приходит на рассвете. В заросшем саду запели дрозды.

– Люблю этот звук, – проговорил он, уткнувшись в ее волосы. – Дрозды на рассвете.

– А я ненавижу. Когда слышу его, мне почему-то кажется, что я сделала что-то, о чем пожалею.

– Потому этот звук мне и нравится, – сказал он, снова пытаясь поразить ее своей мрачной харизмой, а через минуту добавил: – А ты сделала?

– Что?

– То, о чем жалеешь?

– Ты имеешь в виду это? – Она сжала его руку. – Наверное. Пока не знаю, правда. Спроси меня утром. А ты жалеешь?

Он прижался губами к ее затылку.

– Нет, конечно, – ответил он, а сам подумал: это никогда, никогда не должно повториться.

Довольная его ответом, она придвинулась ближе:

– Надо поспать.

– Зачем? Днем нет никаких дел. Ни заданий, ни работы…

– Перед нами только вся жизнь, такая длинная, – сонно пробормотала она, вдыхая чудесный теплый запах его немытого тела и в то же время ощущая тревожную дрожь, пробравшую ее при мысли о самостоятельной взрослой жизни.

Эмма вовсе не чувствовала себя взрослой. Не была к этому готова. У нее было такое чувство, будто посреди ночи вдруг сработала пожарная тревога и она выбежала на улицу, схватив в охапку одежду. Если учиться больше не нужно, что же делать? Чем заполнить дни? Она не знала.

Весь секрет в том, успокаивала она себя, чтобы быть смелой и храброй и делать что-нибудь значимое. Нет, не изменить мир, но хотя бы изменить кусочек мира вокруг себя. Начать самостоятельную жизнь, вооружившись дипломом с отличием, вдохновением и новой электрической печатной машинкой «Смит корона», и с усердием взяться… за что-нибудь. Менять жизнь людей посредством искусства. Писать красивые книги. Любить своих друзей, быть верной принципам, жить вдохновенно, на полную катушку, жить хорошо. Делать новые открытия. Любить и быть любимой, если такое возможно. Правильно питаться. И все такое.

Не слишком похоже на жизненную философию, тем более на ту, которой можно поделиться, особенно с таким парнем, как Декстер, но она в это верила. И первые часы независимой взрослой жизни ей пока нравились. Возможно, утром, выпив чая и аспирина, она даже наберется смелости и пригласит его вернуться в постель. К тому времени они оба протрезвеют, отчего, конечно, не станет легче, но, по крайней мере, происходящее может ей даже понравиться. Те несколько раз, когда она была в постели с парнем, все всегда заканчивалось смехом или слезами, а было бы неплохо хоть раз попробовать обойтись без этих крайностей. Интересно, остались ли в банке из-под горчицы презервативы? Хотя куда им деться, ведь в последний раз, когда она туда заглядывала, их было еще полно, а было это в феврале 1987-го, с Винсом с инженерно-химического. У него была волосатая спина, и он высморкался в ее наволочку. Счастливые дни…

На улице совсем посветлело. Сквозь плотные зимние шторы, прилагавшиеся к съемной квартире, Декстер увидел розовый свет нового дня. Осторожно, чтобы не разбудить ее, он протянул руку, затушил окурок в кружке с вином и устремил взор в потолок. Уснуть уже не получится. Вместо этого он решил разглядывать узоры на сером постельном белье, пока она крепко не заснет, а потом тихонько ускользнуть, не потревожив ее сон.

Если он сейчас уйдет, это, конечно же, будет означать, что они никогда больше не увидятся. Интересно, захочет ли она увидеть его снова? Наверное, да, ведь все девчонки обычно этого хотели. Но захочет ли *он* увидеть ее? Последние четыре года он прекрасно без нее обходился. До прошлой ночи вовсе думал, что зовут ее Анна. И все же на вечеринке не мог отвести глаз. Почему он раньше ее не замечал? Она спала, а он разглядывал ее лицо.

Она была красавицей, но казалось, ее это раздражало. Рыжие крашеные волосы были словно нарочно плохо пострижены – наверняка сама постриглась перед зеркалом или это работа Тилли, или как ее там, горластой толстухи, с которой она вместе снимала квартиру. Кожа бледная, лицо припухло, потому что слишком много времени сидит в библиотеке и пьет слишком много пива в пабах. Очки делали ее похожей на недовольную сову. Подбородок мягкий и слегка оплывший, хотя, наверное, это детский жирок. Или на словосочетание «детский жирок» тоже принято обижаться? И не стоит говорить, что у нее потрясающая грудь, даже если это правда, – обидится.

Хватит про грудь, вернемся к лицу. Кончик ее маленького аккуратного носа слегка лоснился, а на лбу виднелась россыпь мелких красных прыщей, однако, не считая этого, никто не стал бы отрицать, что лицо это… лицо это было просто замечательным. Глаза ее были закрыты, и он понял, что не может вспомнить их цвет – помнит только, что они большие, ясные, смешливые, как и две морщинки в уголках ее широкого рта, как две скобки, которые углублялись, когда она улыбалась, а случалось это довольно часто. Гладкие розовые щеки в веснушках, похожие на подушечки и на ощупь наверняка теплые. Ненакрашенные, но красные сами по себе мягкие губы. Она держала их крепко сжатыми, когда улыбалась, словно не хотела обнажать крупноватые для ее рта зубы; к тому же один из резцов был слегка надколот. При этом возни-

кало впечатление, что она что-то утаивает: смех, умное замечание или невероятно смешную шутку.

Если он сейчас уйдет, то наверняка никогда больше не увидит это лицо, разве что во время кошмарной встречи выпускников через десять лет. Она придет на встречу располневшей, разочаровавшейся в жизни и начнет ворчать, что он тогда улизнул, даже не попрощавшись. Поэтому лучше уйти тихо и не ходить на эти встречи. Надо двигаться дальше, думать о будущем. Там, в будущем, будет еще много разных лиц.

Но когда он уже решил вставать, губы ее вдруг дрогнули и растянулись в широкую улыбку, и, не открывая глаз, она сказала:

– Так что ты думаешь, Декс?

– О чем, Эм?

– О нас. По-твоему, это настоящая любовь? – спросила она и тихо рассмеялась, крепко сжав губы.

– Ты не можешь просто уснуть, да?

– Нет, когда ты пялишься на мой нос. – Она открыла глаза: зелено-голубые, ясные и умные. – Что у нас завтра? – пробормотала она.

– Ты имеешь в виду сегодня?

– Да, сегодня. Что за чудесный новый день нас ждет?

– Суббота. Выходной. День святого Свитуна, между прочим.

– И что это за день?

– Есть примета такая. Если сегодня пойдет дождь, то он будет длиться следующие сорок дней или все лето, точно не помню.

– Не понимаю, – нахмурилась она.

– И не надо. Это просто поверье.

– Где будет дождь? Где-нибудь он всегда идет.

– На могиле святого Свитуна. Он похоронен в Винчестерском соборе.

– Откуда ты столько о нем знаешь? – проговорила она, уткнувшись в подушку.

– Ходил в школу Святого Свитуна.

– Ах да.

– «Как на Свитуна дожди, что-то там… та-та… не жди».

– Красивый стишок.

– Ну я его до конца не помню.

Она снова засмеялась и сонно оторвала голову от подушки:

– Но, Декс…

– Да?

– Если сегодня все-таки не пойдет дождь…

– Угу…

– Что ты будешь делать потом?

Скажи, что занят.

– Да ничего особенного, – ответил он.

– Тогда, может, что-нибудь придумаем? Вместе, я имею в виду.

Подожди, пока она не уснет, и потихоньку смойся отсюда.

– Да, конечно, – сказал он, кивая. – Давай что-нибудь придумаем.

Она снова опустила голову на подушку.

– Новый день, – пробормотала она.

– Новый день.

Глава 2
Реальная жизнь

Суббота, 15 июля 1989 года

Вулвергемптон и Рим
Женская раздевалка в школе Стоук-Парк
Вулвергемптон
15 июля 1989 года

Чао белла!

Как жизнь? И как Рим? Вечный город – это, конечно, здорово, но я торчу в Вулвергемптоне уже целых два дня, и для меня это как целая вечность, хотя открою секрет: здешняя «Пицца хат» просто, просто обалденная.

После нашей последней встречи я все-таки решила согласиться на ту работу, о которой тебе рассказывала, – в театральном товариществе «Кувалда». Последние четыре месяца мы занимались тем, что придумывали и репетировали пьесу «Жестокий груз» при поддержке художественного совета, и теперь ездим с выступлениями. Это спектакль о работорговле, включающий диалоги, фольклорные песни и довольно шокирующую пантомиму. Прилагаю дешевую фотокопию буклета, чтобы ты своими глазами увидел, какая это высокохудожественная постановка.

«Жестокий груз» – это пьеса из серии ОТ (обучающий театр), предназначенная для детей 11–13 лет и несущая послание, что рабство – это плохо. Она преследует священную цель – чтобы ни один ребенок, посмотревший спектакль, никогда не стал работорговцем и не заимел рабов. Я играю Лидию, и это… хм… да, между прочим, это ГЛАВНАЯ РОЛЬ. Лидия – избалованная и тщеславная дочь злого сэра Обадиа Гримма (уже по его имени ясно, что он не очень хороший человек). В кульминационный момент пьесы я наконец понимаю, что все мои красивые вещички, все платья (при этом показываю на платья) и украшения (показываю на украшения) оплачены кровью других людей (тут плачу), и я чувствую себя грязной (смотрю на ладони, словно ТЕ ЗАПАЧКАНЫ КРОВЬЮ), грязной в ДУУУУУШЕЕЕЕ. Пьеса на самом деле очень мощная, правда, вчера момент был испорчен тем, что некоторые дети начали бросать в меня шоколадные шарики.

Ну а если серьезно, все не так уж плохо, если подумать – даже не знаю, к чему этот цинизм, видимо, у меня уже выработался защитный механизм. Дети прекрасно нас встречают (те, что не бросают конфеты мне в голову), и мы проводим занятия в школах – работа интересная и благодарная. Но я просто в шоке от того, как плохо дети осведомлены о своем культурном наследии, даже дети из Вест-Индии не знают, откуда прибыли их семьи. Я с удовольствием писала сценарий – появилось столько идей для следующих пьес и всякого разного. Поэтому мне кажется, что я занимаюсь стоящим делом, даже если ты думаешь, что я трачу время понапрасну. Декстер, я уверена, просто уверена, что в наших силах изменить мир. Вспомни, как популярен был радикальный театр в Германии в 1930-е годы, – и к чему это привело! Мы избавим Уэст-Мидлендс от расовых предрассудков, даже если придется вбивать это в голову каждому ребенку по отдельности!

В труппе нас четверо. Кваме играет Благородного Раба. По пьесе я его хозяйка, а он мой слуга, но в жизни мы хорошо ладим, однако на днях, когда я попросила его сбегать за чипсами в кафе, он так на меня посмотрел, будто я его УГНЕТАЮ! Но он милый и серьезно

относится к работе, хотя и постоянно рыдал на репетициях, а это уже, по-моему, слишком. Но такой уж он, немножко размазня, если понимаешь, о чем я. По сценарию между нами должно быть мощное сексуальное притяжение, но, боюсь, это как раз тот случай, когда жизнь отказывается подчиняться требованиям искусства.

Сид играет моего злобного папашу Обадию. Поскольку ты провел все детство, играя во французский крикет на тошнотворно идеальной ромашковой лужайке, и никогда не опускался до столь плебейского времяпрепровождения, как просмотр телевизора, тебе наверняка ничего не скажет тот факт, что Сид некогда был настоящей звездой телевизионного полицейского сериала «Городские джунгли». Но это так, и он даже не скрывает отвращения от того, что приходится участвовать в нашем спектакле. Пантомиму он разыгрывать просто отказывается, точно это ниже его достоинства – делать вид, что предмета, который якобы рядом, на самом деле рядом нет. Каждая вторая его фраза начинается со слов «когда я снимался в сериале»; для него это равносильно фразе «когда я был счастлив». Сид мочится в раковины, носит ужасные штаны из полиэстера, которые не стирают, а ПРОТИРАЮТ, питается исключительно мясными пирожками с бензоколонки и, по нашему с Кваме тайному подозрению, в душе является расистом, но, не считая всего вышеперечисленного, он очень мил, очень, очень мил.

Наша четвертая участница – Кэнди. Ох, Кэнди! Тебе бы понравилась Кэнди: она полностью соответствует своему имени. Играет несколько ролей – Хитрую Служанку, Плантатора и сэра Уильяма Уилберфорса. Она очень красивая, высокодуховная и – скажу, хотя не люблю это слово, – стервозная. Постоянно спрашивает, сколько мне на самом деле лет, или говорит, что я выгляжу усталой, что если бы я носила контактные линзы, то могла бы быть симпатичной. Меня все это умиляет, разумеется. Она ни капли не скрывает, что участвует в нашей пьесе лишь для того, чтобы пробиться в актерскую ассоциацию, и коротает время, пока ее не заметят голливудские продюсеры, которые, видимо, будут случайно проезжать мимо Дадли в дождливый вечер вторника в поисках талантов из любительского театра. Актерская профессия ужасна, правда? Когда мы основали ТТК (театральное товарищество «Кувалда»), то очень хотели, чтобы это была прогрессивная труппа безо всякого там дерьма в стиле «я мечтаю прославиться и попасть в телик», – мы просто хотели ставить хорошие, интересные и оригинальные спектакли на политические темы. Пусть это покажется тебе тупым, но такая была идея. Однако проблема демократичных коллективов, все участники которых пользуются равными правами, состоит в том, что приходится прислушиваться к придуркам вроде Сида и Кэнди. Ладно бы она играть умела, но ее акцент уроженки Ньюкасла просто невыносим. Такое впечатление, что она умственно отсталая и у нее проблемы с речью. И потом еще эта ее привычка делать йоговские упражнения в нижнем белье. Ага, удалось мне привлечь твое внимание? Впервые вижу, чтобы человек делал «Приветствие солнцу» в поясе для чулок и корсаже. Как-то это неправильно. Бедняга Сид при виде этого даже пирожок проносит мимо рта. Наконец она одевается и выходит на сцену, и кто-нибудь из ребят непременно присвистывает, а в микроавтобусе на обратном пути она все время притворяется, что ее это оскорбило, изображая из себя феминистку. «Не выношу, когда обо мне судят по внешности – всю жизнь люди замечают лишь мое прелестное лицо и стройную юную фигуру!» – говорит она, поправляя пояс для чулок, точно речь о величайшей ПОЛИТИЧЕСКОЙ несправедливости и все мы должны выйти на улицы с агитационным спектаклем об угнетении женщин с большими сиськами. Я слишком много болтаю? Ты уже на нее запал? Может, я вас и познакомлю, когда ты вернешься. Так и вижу, как ты смотришь на нее, сжав челюсти и закусив губу, и спрашиваешь о ее «карьере»… Хотя, может, и не стоит вас знакомить…

Эмма Морли перевернула блокнот написанным текстом вниз, так как в комнату вошел Гэри Наткин, худощавый и взволнованный молодой человек, директор и один из основателей

театрального товарищества «Кувалда». Настало время воодушевляющей беседы перед спектаклем. Общая гримерная была вовсе не гримерной, а всего лишь раздевалкой для девочек в городской школе, где даже в выходные не выветривался школьный запах, который Эмма хорошо помнила: запах гормонов, розового жидкого мыла и сырых полотенец.

Стоя в дверях, Гэри Наткин откашлялся; у него была бледная кожа со следами раздражения от бритья, черная рубашка застегнута на все пуговицы; его иконой стиля был Джордж Оруэлл.

– Ребята, отличные зрители собрались сегодня! Почти ползала, что не так уж плохо, учитывая… – Что *учитывая,* Гэри так и не договорил, видимо потому, что отвлекся на Кэнди – та выгибалась по-кошачьи в комбинашке в горошек. – Покажем им, на что способны, – добавил он. – Поразим их насмерть!

– Я бы поразил их насмерть, – пробурчал Сид, глядя на Кэнди и жуя пирожок, – крикетной битой с гвоздями. Маленькие поганцы!

– Побольше позитива, Сид, – взмолилась Кэнди, одновременно производя то, что в йоге называется «долгое размеренное дыхание».

– Помните, – продолжил Гэри, – больше задора, больше взаимодействия, больше жизни. Произносите роль как в первый раз и главное – не поддавайтесь на провокации и не бойтесь зрителя! Со зрителями нужно взаимодействовать, но не реагировать на них! Не позволяйте им вывести вас из себя. Не дайте им такого удовольствия… Пятнадцать минут! – добавил Гэри и захлопнул дверь раздевалки, как тюремщик камеру.

Сид начал шепотом произносить мантру «ненавижу-эту-работу-ненавижу-эту-работу» – это был его ежевечерний ритуал. За ним с несчастным видом сидел Кваме, без рубашки, в рваных штанах, обхватив себя руками и откинув назад голову. Он медитировал или, возможно, просто пытался не заплакать. Слева от Эммы Кэнди пела арии из «Отверженных» фальшивым сопрано, разглядывая свои приплюснутые пальцы на ногах: после восемнадцати лет занятий балетом те стали похожи на молоточки. Эмма снова повернулась к потрескавшемуся зеркалу, взбила пышные рукава своего платья с высокой талией, сняла очки и, подражая героиням Джейн Остин, глубоко вдохнула.

Весь прошлый год был отмечен сплошными поворотами не туда, неудачными решениями, незаконченными проектами. Была девчачья группа, в которой она играла на бас-гитаре. Они сменили три названия – «Глотка», «Бойня номер шесть» и «Плохое печенье», – но с названием так и не определились, как и с музыкальной направленностью. Был вечер клуба любителей альтернативы, куда никто не пришел, незаконченный первый роман, незаконченный второй роман, пара неудачных летних подработок: торговля кашемировыми свитерами и клетчатыми пледами для туристов. В минуту мрачного отчаяния она даже пошла на курсы циркового мастерства и посещала их, пока не выяснилось, что никаким мастерством она не владеет. Так она узнала, что воздушные трюки – это не выход.

Пресловутое Второе Лето Любви оказалось полным меланхолии периодом потерянных возможностей. Даже родной Эдинбург начал казаться унылым и депрессивным. Жизнь в университетском городке стала похожа на вечеринку, с которой ушли все гости, и вот в октябре она съехала со старой квартиры на Рэнкеллор-стрит и вернулась к родителям. Это была долгая, нервная, дождливая зима, полная упреков, хлопанья дверьми и дневных телепрограмм в доме, который стал невыносимо тесным. «Но ты же окончила с отличием! Как же твой диплом?!» – ежедневно сокрушалась мать, будто диплом был сверхъестественной способностью, которую Эмма упрямо отказывалась применять. Ее младшая сестра Марианна, медсестра и молодая мамочка, специально приходила по вечерам, чтобы позлорадствовать над унижением папочкиной «золотой девочки».

Но время от времени в ее жизни возникал Декстер Мэйхью. Последние теплые деньки летом после выпускного она провела в прекрасном доме его родителей в графстве Оксфорд-

шир; в ее глазах то был даже не дом, а особняк. Огромный дом 1920-х годов: выцветшие от времени ковры, большие абстрактные полотна, напитки со льдом. Она и Декстер проводили дни в наполненном ароматами трав большом саду, перемещаясь между бассейном и теннисным кортом – первым в ее жизни кортом, построенным не на деньги городской администрации. Джин-тоник в плетеных креслах, любование видами – все это напоминало ей «Великого Гэтсби». И разумеется, она все испортила, когда за ужином выпила лишнего, разнервничалась и напустилась на папу Декстера – тихого, скромного, совершенно адекватного человека. Она кричала что-то про Никарагуа, а Декстер смотрел на нее со снисходительно-разочарованным видом, как смотрят на щенка, сделавшего лужу на ковре. Неужели она, сидя за их столом, будучи их гостьей, и вправду назвала его отца фашистом? В ту ночь, потрясенная, терзаемая угрызениями совести, она лежала в комнате для гостей, надеясь услышать стук в дверь, который так и не раздался. Она пожертвовала своими романтическими мечтами ради борцов за свободу Никарагуа, хотя у тех вряд ли когда-нибудь появилась бы возможность ее отблагодарить.

Она снова встретилась с Декстером в Лондоне в апреле, на двадцать третьем дне рождения общего друга Кэллума, и они провели весь день в Кенсингтонских садах вдвоем – пили вино прямо из бутылки и болтали. Судя по всему, он простил ее, но вместе с тем между ними установились сводящие с ума дружеские отношения, по крайней мере сводящие с ума ее. Они лежали на свежей весенней травке, и, хотя их руки почти соприкасались, он рассказывал ей о Лоле, потрясной девчонке из Испании, с которой познакомился на лыжном курорте в Пиренеях.

А потом он снова уехал путешествовать и расширять горизонты. Почитав немного о Китае, Декстер пришел к выводу, что там слишком уж непривычно и слишком много политических заморочек, и решил отправиться в ненапряжное годовое путешествие по городам, которые в путеводителях называли тусовочными. Так они стали друзьями по переписке: она писала длинные содержательные письма, нашпигованные шутками и скрытым смыслом, притворной веселостью и почти не скрываемой тоской, – любовь, воплощенная в двух тысячах слов на почтовой бумаге. Как и сборники любимых песен, записанные на кассету, эти письма были свидетельством ее скрытых эмоций, и она явно тратила на них слишком много усилий и времени. В ответ Декстер слал ей скупо подписанные открытки: «В Амстердаме КРУТО»; «Барселона – ОТПАД!»; «Дублин РУЛИТ. Знала бы ты, как плохо мне с утра». Автор путевых заметок из него был никудышный, но все же она прятала его открытки в карман теплого пальто и шла на долгую прогулку по Илкли-Мур, пытаясь отыскать скрытый смысл во фразе «ВЕНЕЦИЮ ПОЛНОСТЬЮ ЗАТОПИЛО!!!!».

– Что за Декстер? – спросила как-то ее мать, взглянув на оборотную сторону открытки. – Твой парень, да? – И с озабоченным видом добавила: – А ты не думала устроиться в газовую комиссию?

Эмма устроилась официанткой в местный паб. Время шло, и ей казалось, что ее мозг начинает размягчаться, как забытая в глубине холодильника еда.

А потом позвонил Гэри Наткин, худощавый троцкист и режиссер жесткого и бескомпромиссного спектакля по мотивам брехтовской пьесы «Страх и отчаяние в Третьей империи» с Эммой в главной роли. Это было в 1986-м, и тогда она жестко и бескомпромиссно процеловалась с ним целых три часа на вечеринке в честь последнего выступления. Вскоре после этого он пригласил ее в кино на сдвоенный ночной сеанс – показывали фильмы Питера Гринуэя – и ждал до четырех утра, прежде чем потянуться и как бы невзначай положить ладонь на ее левую грудь, словно на регулятор громкости. Той ночью они занимались любовью по-брехтовски, на узкой кровати с давно не стиранным бельем, под плакатом кинофильма «Битва за Алжир», и на протяжении всего процесса Гэри прилагал все усилия к тому, чтобы она не чувствовала себя исключительно сексуальным объектом. А потом он пропал, и от него не было слышно

ни слова, пока как-то в мае он не позвонил ей поздно вечером и еле слышно, неуверенно не произнес: «Хочешь участвовать в моем театральном товариществе?»

У Эммы не было актерских амбиций, не слишком она любила и театр, воспринимая его всего лишь как средство передачи слов и идей. Но «Кувалда» должна была стать новым видом прогрессивного театрального товарищества, объединенного общей целью, рвением, письменным манифестом и решимостью изменить юные умы посредством искусства. Может, ей даже удастся затащить кого-нибудь в постель и перепадет немного романтики. Эмма собрала рюкзак, попрощалась со скептически настроенными родителями и села в микроавтобус с таким видом, будто намеревается участвовать в великом деле, в чем-то вроде театрального эквивалента Гражданской войны в Испании при поддержке художественного совета.

Но прошло три месяца – и куда делась теплая, дружеская обстановка, ощущение социальной значимости, высоких идеалов, которые они защищают, причем себе в удовольствие? Ведь «товарищество» означает, что они должны держаться вместе. Это было написано сбоку фургончика, она сама вывела там это слово. «Ненавижу-эту-работу-ненавижу-эту-работу», – продолжал бубнить Сид. Эмма заткнула уши руками и задала себе несколько фундаментальных вопросов.

Что я здесь делаю?

Неужели это что-то изменит?

Почему я в нижнем белье?

Что это за вонь?

Где бы я хотела сейчас оказаться?

Она хотела быть в Риме, с Декстером Мэйхью. В постели.

– Шаф-тес-бе-ри-авеню.

– Нет. Шафтс-бе-ри. Три слога.

– Ле-се-стер-сквер.

– Ле-стер. Два слога.

– Но почему не Лесестер?

– Без понятия.

– Но ты же учитель, ты должен знать.

– Прости, – пожал плечами Декстер.

– Дурашный язык, вот что я скажу, – заявила Туве Ангстрем и толкнула его в плечо.

– *Дурацкий,* а не дурашный. Впрочем, я с тобой согласен. Поэтому не надо меня бить.

– Прости, – промурлыкала Туве, целуя его в плечо, затем в шею и в губы.

И в который раз Декстер подумал: как же приятно быть учителем.

Они лежали на куче подушек на полу его крошечной комнаты, выложенном терракотовой плиткой. Узкая кровать оказалась слишком мала для их забав. В проспекте Международной школы английского языка имени Перси Шелли учительские комнаты описывались как помещения с некоторыми удобствами и со множеством малых достоинств. По сути, эта фраза в точности характеризовала жилье Декстера в историческом квартале: унылая и безликая, но с балконом, откуда открывался вид на живописную площадь, которая, как и все римские площади, служила одновременно и парковкой. По утрам его будили сигнальные гудки автомобилей офисных служащих, подрезающих друг друга на выезде со своего места.

Но в середине влажного июльского дня единственным звуком, доносившимся с улицы, был шум колесиков туристических чемоданов, катящихся по вымощенному тротуару. Декстер и Туве лежали с открытыми окнами, лениво целуясь. Ее густые темные волосы прилипли к его лицу; они пахли хвойным шампунем, наверное датским, и сигаретным дымом. Потянувшись через него за лежавшей на полу пачкой, Туве прикурила две сигареты и протянула одну ему; он устроился на подушках, приклеив сигарету к губе, как Бельмондо или герой фильмов Фел-

лини. Правда, сам он никогда не видел фильмов с участием Бельмондо или фильмов Феллини, лишь стильные черно-белые открытки с кадрами из кино. Декстер не любил признаваться в собственном тщеславии и ограниченности, но порой ему хотелось, чтобы кто-нибудь оказался рядом и потревожил его самолюбие.

Они снова поцеловались, и он рассеянно подумал о том, не является ли, случайно, его поведение аморальным или неэтичным. Разумеется, волноваться о плюсах и минусах секса со студенткой надо было после вечеринки в колледже, когда Туве, шатаясь, присела на край его кровати и принялась расстегивать сапоги до колен. Но даже тогда, с затуманенной вином и страстью головой, он невольно поймал себя на мысли о том, что сказала бы Эмма Морли. И когда Туве запустила язык ему в ухо, он все еще подыскивал оправдания: ей уже девятнадцать, она взрослая, и потом, я ненастоящий учитель. Кроме того, Эмма сейчас далеко, борется за мир во всем мире, сидя в микроавтобусе, который катит по кольцевой дороге маленького провинциального городка. Да и при чем тут она, в самом деле? А теперь сапоги Туве валялись в углу его комнаты в общежитии, куда ночных гостей водить строго запрещалось.

Декстер передвинулся на более прохладный участок терракотового пола, глядя в окно и пытаясь угадать, сколько сейчас времени, по маленькому квадратику ярко-голубого неба. По мере того как Туве засыпала, ее дыхание становилось более ритмичным, но у него была важная встреча. Бросив двухдюймовый окурок в бокал с вином, Декстер потянулся за наручными часами, лежавшими поверх автобиографического романа Примо Леви «Человек ли это?», который он даже ни разу не открыл.

– Туве, мне пора. – (Она недовольно застонала.) – У меня встреча с родителями, мне надо идти.

– А можно мне с тобой?

– Вряд ли, Туве, – рассмеялся он. – К тому же у тебя в понедельник контрольная по грамматике. Так что иди занимайся.

– Позанимайся со мной. Позанимайся со мной сейчас!

– Ладно. Глаголы. Настоящее продолженное.

Она закинула на него ногу, а потом залезла на него верхом, говоря:

– Я целую, ты целуешь, он целует, она целует…

Он приподнялся на локтях:

– Серьезно, Туве…

– Еще десять минут, – прошептала она ему в ухо, и он опустился на пол.

И в самом деле, что в этом такого? – подумал он. Он в Риме. День прекрасный. Ему двадцать четыре года, с деньгами и здоровьем проблем нет. Он полон желания и делает то, что не должен, но ему очень, очень повезло. Жизнь, посвященная чувственным наслаждениям, удовольствию и самому себе, когда-нибудь уже не будет казаться такой привлекательной, но время еще есть.

А как тебе Рим? Как la dolce vita (в словаре посмотри)? Так и вижу тебя за столиком в кафе: ты пьешь капучино, о котором все так много говорят, и присвистываешь вслед всем, кто проходит мимо. На тебе темные очки – даже сейчас, когда ты читаешь эти строки. Сними их, ты похож на идиота! Получил книги, которые я тебе прислала? Примо Леви – потрясающий итальянский писатель! Пусть эта книга напомнит тебе, что в жизни есть кое-что, кроме джелато и эспадрилий. Жизнь не может быть всегда похожа на романтическое кино. Как твоя работа? Пожалуйста, пообещай, что не будешь спать со студентками. Это меня так… разочарует.

Пора идти. Страница подходит к концу, а в соседнем помещении – «взволнованный гул зрительного зала»: кажется, они кидаются стульями. Я заканчиваю эту работу через две недели (аллилуйя!), и Гэри Наткин, наш режиссер, хочет, чтобы после этого я придумала

спектакль об апартеиде для начальных классов. Кукольный спектакль, можешь себе представить?! Полгода скитаний по трассе М6 с куклой Десмонда Туту[3]*. Пожалуй, я откажусь, тем более что написала пьесу для двух актрис про Вирджинию Вулф и Эмили Дикинсон: «Две жизни» (или «Две лесбиянки в депрессии»? Еще не решила). Может, поставлю ее в каком-нибудь захолустном театришке. Как только я рассказала Кэнди, кто такая Вирджиния Вулф, та заявила, что очень, очень хочет ее сыграть, но только если можно будет снять на сцене блузку, и мне даже не надо подыскивать вторую актрису. Эмили Дикинсон сыграю я, и блузку снимать не буду. Оставлю тебе пару билетиков.*

А пока я должна выбрать, где буду жить – в *Лидсе или Лондоне. Ох уж эта проблема выбора. Пыталась побороть желание переехать в Лондон – это так НЕОРИГИНАЛЬНО! – но у моей старой соседки Тилли Киллик (Помнишь ее? Большие красные очки, радикальные взгляды, бакенбарды?) освободилась комната в Клэптоне. Правда, она называет ее гардеробной, что не слишком обнадеживает. А что это за район – Клэптон? Ты скоро в Лондон вернешься? Эй, может, вместе снимем квартиру?*

«Вместе снимем квартиру»? Эмма ужаснулась, покачала головой и застонала, потом добавила: «Шучу, конечно!» И снова недовольно хмыкнула. Люди всегда так говорят, если на самом деле не шутят ни капельки. Но зачеркивать поздно. Как же закончить? «Всего хорошего» – это слишком официально; «tous mon amour» – слишком фамильярно; «с любовью» – глупо… В дверях возник Гэри Наткин:

– Все по местам!

Он с кислым видом распахнул дверь, словно провожая их на казнь, и, прежде чем передумать, она написала:

Я так скучаю по тебе, Декс.

Добавила подпись и один «х»[4], глубоко отпечатавшийся на тонкой голубой почтовой бумаге.

Мать Декстера сидела за столиком кафе на Пьяцца дела Ротонда, небрежно держа в руках книгу; глаза ее были закрыты, голова откинута назад и чуть в сторону, как у птицы, – она ловила последние лучи заходящего солнца. Декстер подошел не сразу, а присел сначала рядом с другими туристами на ступени Пантеона, глядя, как к матери подбежал официант, чтобы забрать пепельницу, и напугал ее. Потом они оба рассмеялись, и, судя по выразительным движениям ее губ и жестикуляции, она заговорила на своем ужасном итальянском, коснувшись ладонью рукава официанта и кокетливо похлопывая его по руке. Официант явно не понял ни слова, но все равно улыбнулся и произнес что-то не менее приятное в ответ, а затем ушел, оглядываясь на красивую англичанку, которая коснулась его руки и сказала что-то непонятное.

При виде этого Декстер улыбнулся. Старая фрейдистская идея, о которой ему впервые сообщили шепотом еще в школе – что все мальчики втайне влюблены в своих матерей и испытывают ненависть к отцам, – казалась ему вполне объяснимой. В Элисон Мэйхью влюблялись все, кого он знал, и, к счастью, он не испытывал ненависти к отцу; как и в остальном, ему повезло.

Нередко за обедом в оксфордширском доме, или в их большом зеленом саду, или на каникулах во Франции, когда мать засыпала на солнце, Декстер замечал, как на нее смотрит отец

---

[3] *Десмонд Туту* (р. 1931) – южноафриканский религиозный деятель, активный борец с апартеидом, лауреат Нобелевской премии мира 1984 года.

[4] Имеется в виду значок поцелуя.

– глазами преданной собаки, с тупым обожанием. Высокий, замкнутый, с вытянутым лицом, Стивен Мэйхью был старше ее на пятнадцать лет и, казалось, не мог поверить своему счастью. Мать часто устраивала вечеринки, и Декстер – если он вел себя хорошо, ему разрешали не ложиться спать, – наблюдал за тем, как вокруг нее формировался кружок из послушных, преданных мужчин. Это были умные мужчины, сделавшие удачную карьеру: врачи, адвокаты и люди, выступавшие по радио, – но рядом с ней все они превращались в мечтательных мальчишек. Он смотрел, как она танцует под музыку ранних *Roxy Music* с коктейлем в руке, слегка покачиваясь с таким видом, будто ей никто на свете не нужен. Другие жены лишь уныло пялились на нее и выглядели на фоне матери тупыми и бесцветными. Его школьные друзья, даже те, что в школе казались крутыми, рядом с Элисон Мэйхью превращались в карикатуру на самих себя: кокетничали в ответ, когда она с ними флиртовала, брызгались водой, хвалили ее ужасную готовку – подгорелый омлет, присыпанный сигаретным пеплом вместо черного перца.

Когда-то она изучала моду в Лондоне, но теперь у нее был свой антикварный магазинчик в деревне: дорогие ковры и канделябры пользовались большим успехом у благородных семей из Оксфорда. Вокруг матери по-прежнему витала аура 1960-х – Декстер видел ее старые фото, вырезки из поблекших цветных журналов, – но она не испытывала ни грусти, ни сожаления, что отказалась от той жизни ради респектабельной, безопасной, удобной роли матери семейства. Как было ей свойственно, она точно чувствовала момент, когда нужно уйти с вечеринки. Декстер подозревал, что у нее были мимолетные романы с врачами, адвокатами, людьми, выступавшими по радио, но сердиться на нее было невозможно. И все их знакомые говорили одно и то же: что «это» у него от матери. Правда, никто не уточнял что именно, но все как будто знали: внешность, разумеется, и жизненная сила, и здоровье, но также и небрежная уверенность в себе, точно он чувствовал, что имеет полное право всегда находиться в центре внимания, на стороне победителей.

Даже сейчас, когда она сидела в бледно-голубом летнем платье и искала спички в большой сумке, казалось, что вся жизнь на площади вращается вокруг нее. Внимательные карие глаза на лице в форме сердечка, обрамленном копной черных волос в нарочитом беспорядке, поддерживать который стоило немалых денег, на платье расстегнута лишняя пуговица – безупречная небрежность. Она увидела его, и лицо ее озарила широкая улыбка.

– Вы на сорок пять минут опоздали, молодой человек. Где гулял?

– Сидел там и смотрел, как ты заигрываешь с официантом.

– Отцу не говори. – Встав, чтобы обнять его, она сдвинула столик. – Где ты был?

– Готовился к занятиям. – Его волосы были еще влажными после душа с Туве Ангстрем, и когда мать смахнула прядь с его лба, нежно коснувшись его лица ладонью, он понял, что она уже слегка пьяна.

– Какой ты взъерошенный. И кто тебя взъерошил? Что у тебя за проделки опять?

– Я же сказал: составлял план уроков.

Она скептически усмехнулась:

– А вчера куда пропал? Мы ждали в ресторане.

– Извини, не смог. Дискотека в колледже.

– Дискотека. Прямо как в семьдесят седьмом. И как это было?

– Двести пьяных скандинавок танцевали вог.

– *Танцевали вог.* Рада, что не имею ни малейшего понятия, как это делается. Было весело?

– Кошмар!

– Бедняжечка, – похлопала она его по колену.

– А папа где?

– Ему пришлось пойти прилечь в отель. Жара доконала, и сандалии натерли. Ну ты знаешь своего папу – он из Уэльса, и этим все сказано.

– И чем вы занимались?

– Гуляли по Форуму. По мне, так он прекрасен, но Стивену было скучно. Такой беспорядок, колонны валяются… Кажется, он считает, что лучше снести все бульдозером и возвести на этом месте зимний сад или что-то в этом роде.

– Сходите на Палатин. Это вон тот холм…

– Я знаю, где Палатин, Декс, я ездила в Рим, когда тебя еще на свете не было…

– Да, и кто тогда был императором?

– Ха! Помоги-ка мне с вином, а то выпью всю бутылку. – Она и так осушила бутылку почти до дна, но он вылил остатки вина в стакан для воды и потянулся за ее сигаретами. Элисон щелкнула языком. – Знаешь, иногда я думаю, не слишком ли мы переборщили с твоим либеральным воспитанием.

– Согласен. Вы меня испортили. Дай спички.

– Это не умно, кстати. Я знаю, что тебе кажется, будто с сигаретой ты похож на кинозвезду, но это не так, ты выглядишь ужасно.

– Почему тогда ты куришь?

– Потому что с сигаретой я выгляжу феноменально. – Она зажала сигарету между губами, и он зажег спичку, чтобы мать могла прикурить. – Но я буду бросать. Это последняя. А теперь быстро, пока отец не пришел… – она с заговорщическим видом подвинулась ближе, – расскажи о своей личной жизни.

– Нет!

– Брось, Декс! Ты же знаешь: у меня одна радость – услышать пару сальных историй от детишек, а твоя сестрица такая святоша…

– Вы пьяны, старая леди?

– И откуда у нее двое детей, ума не приложу…

– Ты пьяна, мама.

– Я не пью, забыл? – Когда Декстеру было двенадцать, как-то вечером она торжественно отвела его в кухню и полушепотом объяснила, как делать сухой мартини, точно речь шла о религиозном ритуале. – Ну давай рассказывай и не жалей смачных подробностей.

– Мне нечего тебе сказать.

– Неужели у тебя в Риме никого не было? Ни одной милой католички?

– Нет.

– Надеюсь, ты не связался с одной из своих студенток?

– Конечно нет, мам.

– А дома? Кто пишет эти длинные, закапанные слезами письма, которые мы все время тебе пересылаем?

– Не твое дело.

– А то я их опять под паром распечатаю! Ну-ка признавайся!

– Да нечего тут говорить.

Она откинулась на спинку стула:

– Что ж, ты меня разочаровал. А как же та милая девочка, что приезжала к нам в гости?

– Какая девочка?

– Красивая, серьезная шотландка. Которая напилась и стала кричать на отца, поминая Никарагуа.

– Эмма Морли.

– Да, Эмма Морли. Она мне понравилась, между прочим. И отцу тоже, хотя и назвала его буржуазным фашистом. – (При упоминании об этом Декстер поморщился.) – Я люблю, когда в людях есть огонь, искра. Не то что твои глупые лупоглазки, которых ты обычно приводишь по ночам. «Да, миссис Мэйхью, нет, миссис Мэйхью». Я слышу, как вы крадетесь на цыпочках в комнату для гостей…

– Ты действительно напилась, да?

– Так что эта Эмма?

– Мы просто друзья.

– Уже просто друзья? А я бы не была так уверена. Думаю, она в тебя влюблена.

– Все в меня влюблены. Судьба такая.

В его голове эти слова прозвучали красиво – слова прожигателя жизни, не чуждого самоиронии, – но теперь, когда они с матерью сидели в молчании, он снова почувствовал себя глупо, как на тех вечеринках, на которых она разрешала ему присутствовать, а он начинал рисоваться, и ей было стыдно. Она снисходительно улыбнулась и сжала его руку:

– Будь хорошим мальчиком, ладно?

– Я и есть хороший, я всегда хороший.

– Но не слишком. Не делай культ из своего стремления всем нравиться.

– Не буду. – Он начал смотреть по сторонам, чувствуя себя неловко.

Она толкнула его под локоть:

– Так ты будешь еще вина или пойдем в отель и проведаем твоего отца?

Они зашагали в северном направлении по переулкам, идущим параллельно Виа дель Корсо к Пьяцца дель Пополо. Декстер сворачивал на самые живописные улочки и постепенно почувствовал себя лучше, довольный, что так хорошо знает город. Мать, нетвердо державшаяся на ногах, опиралась на его руку.

– И долго ты намерен здесь пробыть?

– Не знаю. Возможно, до октября.

– Но потом ты вернешься домой уже насовсем, верно?

– Конечно.

– Я не имею в виду жить у нас. Не хочу тебя мучить. Но мы готовы оплатить депозит за квартиру, ты же знаешь.

– Но куда спешить?

– Декстер, уже год прошел. Не хватит ли отдыхать? Ты и в университете не слишком утруждался…

– Я не отдыхаю, я работаю!

– А как же журналистика? Ты разве не хотел стать журналистом?

Как-то вскользь он упомянул об этом, но лишь для того, чтобы ее успокоить, обеспечить себе алиби. Похоже, с приближением двадцатипятилетия возможностей становилось все меньше. Некоторые профессии, которые казались крутыми, – кардиохирург, например, или архитектор – теперь уже были для него закрыты, и все шло к тому, что журналистика окажется в той же категории. Писательского таланта у него не было, он не разбирался в политике, плохо говорил по-французски, у него не было ни образования, ни навыков, лишь загранпаспорт и воображаемая картина перед глазами: он лежит и курит под потолочным вентилятором в какой-нибудь тропической стране, а рядом с кроватью – его верный старенький «Никон» и бутылка виски.

Конечно, больше всего ему хотелось стать фотографом. В шестнадцать лет он сделал фотопроект «Текстуры» – черно-белые снимки коры и ракушек крупным планом, от которых его преподаватель в художественной школе пришел в полный восторг. Но с тех пор ничто не принесло Декстеру того же удовлетворения, как те контрастные снимки инея на стеклах и гравия на подъездной дорожке. Если он станет журналистом, ему придется иметь дело со сложными понятиями, словами, идеями. Декстеру казалось, что из него выйдет хороший фотограф лишь потому, что он ясно видел, когда получится хороший кадр. Но на нынешнем этапе основным критерием выбора профессии для него было лишь одно: прозвучит ли ее название круто в баре, если прокричать его на ухо девушке, – и стоит ли отрицать, что фраза «я профессиональный фотограф» звучала красиво, почти так же красиво, как «я военный репортер» или «вообще-то, я режиссер-документалист».

– Журналистика – одна из возможностей.

– Или, может, бизнес? Ты же с Кэллумом вроде собирался начать какое-то дело?

– Мы еще думаем.

– Только ничего конкретного ты так и не сказал – просто «бизнес».

– Я же сказал: мы еще думаем.

По правде говоря, его бывший сосед Кэллум уже начал бизнес без него – что-то связанное с компьютерными программами, у него даже сил не хватило вникнуть, что именно. Кэл утверждал, что к двадцати пяти годам они станут миллионерами, но как это будет звучать в баре? «Я занимаюсь компьютерными программами». Нет, профессиональная фотосъемка – его лучший шанс. Он решил сказать это вслух:

– Вообще-то, я подумываю стать фотографом.

– Фотографом? – Элисон расхохоталась так, что ее сын окаменел.

– Эй, я хорошо снимаю!

– О да, когда не забываешь убрать палец с объектива!

– Ты разве не должна меня поддержать?

– И каким фотографом ты хочешь стать? *Модным?* – Она снова засмеялась. – Или, может, продолжишь работу над «Текстурами»? – (Им пришлось остановиться, потому что от смеха Элисон согнулась пополам, ухватившись за его руку, чтобы не упасть.) – *Камушки* в разных ракурсах! – Наконец она успокоилась, выпрямилась и сделала серьезное лицо. – Декстер, мне очень, очень жаль…

– Вообще-то, мне стало лучше.

– Я знаю, прости. Извини меня. – (Они продолжили путь.) – Если ты действительно этого хочешь, Декстер, то так и сделай. – Она сжала его руку, и Декстер почувствовал, как к горлу подступает обида. – Мы всегда твердили, что ты можешь стать кем угодно, если постараешься.

– Это всего лишь одна из возможностей, – огорченным голосом произнес он. – Я обдумываю варианты, только и всего.

– Что ж, я на это надеюсь. Да, преподавание, конечно, хорошая профессия, но неужели ты и впрямь хочешь этим заниматься? Разучивать песенки «Битлз» с лупоглазыми скандинавскими девицами?

– Это не так уж просто, мам. И в случае чего у меня будет запасной вариант.

– Знаешь, иногда мне кажется, что в твоей жизни слишком много запасных вариантов. – Произнося это, она смотрела себе под ноги, и Декстеру казалось, будто слова матери отскакивают от вымощенного тротуара.

Они прошли еще немного, прежде чем он спросил:

– И что это значит?

– Я лишь хотела сказать… – Элисон вздохнула и положила голову сыну на плечо. – Просто настанет такой момент, когда тебе придется начать воспринимать жизнь всерьез, понимаешь? Да, ты молод, здоров и довольно красив при нужном свете. Ты нравишься людям, ты умен или, по крайней мере, соображаешь – не в ученом смысле, а соображаешь что к чему. И в жизни тебе везло так везло, Декстер… тебя оберегали от многого, от ответственности, необходимости зарабатывать деньги. Но ты уже взрослый, и в один прекрасный день все может оказаться не таким… – она обвела взглядом живописную маленькую улочку, куда он ее привел, – не таким идеальным. И было бы хорошо, если бы ты был к этому готов. Тебе нужно быть лучше подготовленным к жизни.

– И для этого нужна постоянная работа? – нахмурился Декстер.

– И она в том числе.

– Ты говоришь, как отец.

– О боже, почему?

– *Нормальная работа, тылы, чтобы было ради чего вставать по утрам…*

– Не только работа, Декстер, не только работа. Тебе нужно направление. Цель. Какая-то движущая сила, амбиции. В твоем возрасте я мечтала сделать мир лучше.

– И поэтому открыла антикварный магазин, – тихо произнес он, и мать ткнула его локтем под ребра.

– Это сейчас, а тогда все было иначе. И не нахальничай. – Она снова взяла его под руку, и они медленно зашагали дальше. – Я хочу гордиться тобой, только и всего. Я уже тобой горжусь, и твоей сестрой, но… ты понимаешь, о чем я. Я немного выпила. Давай сменим тему. Нам надо еще кое-что обсудить.

– Что?

– О… слишком поздно.

Они подошли к отелю: три звезды, элегантный, но не крикливо-шикарный. Сквозь дымчатое стекло Декстер увидел отца – тот сидел в кресле, сгорбившись, согнув одну длинную тонкую ногу, и, скомкав в руке носок, изучал свою подошву.

– О нет, он любуется своими мозолями в холле отеля! Немного Суонси на Виа дель Корсо. Очаровательно, просто очаровательно! – Элисон обратила к сыну лицо. – Пообедаешь со мной завтра, пока твой отец будет сидеть в темной комнате и ковырять мозоли? Пойдем куда-нибудь вместе, только ты и я, в какое-нибудь уличное кафе на маленькой площади. С белыми скатертями. В какое-нибудь шикарное место – я угощаю. Можешь принести свои фотографии красивых ракушек.

– Хорошо, – произнес он с обидой в голосе, но его мать улыбалась, хотя лоб ее был нахмурен, и как-то слишком сильно сжимала его руку; вдруг Декстер почувствовал тревожный звоночек и спросил: – А почему вдвоем?

– Потому что я хочу поговорить со своим прекрасным сыном, а сегодня, кажется, слишком пьяна.

– Что-то случилось? Скажи сейчас!

– Ничего, ничего…

– Ты с отцом разводишься?

Она тихо рассмеялась:

– Не говори глупости, нет, конечно. – (Отец увидел их, встал и начал жать на кнопку открытия дверей.) – Разве я могу бросить мужчину, который заправляет рубашку в трусы?

– Так в чем тогда дело?

– Ни в чем, дорогой, ни в чем. – Она улыбнулась, желая его успокоить, подняла руку и, потрепав короткие волосы на затылке сына, пригнула его голову так, чтобы лбом коснуться его лба. – Ни о чем не волнуйся. Завтра. Завтра как следует поговорим.

Глава 3
Тадж-Махал

Воскресенье, 15 июля 1990 года

Бомбей и Камден-таун

– ПОЖАЛУЙСТА, ВНИМАНИЕ! Вы можете послушать? Немного внимания, если не трудно! Послушайте меня, пожалуйста! Не швыряйтесь, слушайте! Прошу! ВНИМАНИЕ! Спасибо.

Скотт Маккензи сел на барный табурет и окинул взглядом свою команду. Восемь человек, всем меньше двадцати пяти; все одеты в белые джинсы и корпоративные бейсболки, и все мечтают оказаться где угодно, лишь бы не здесь, лишь бы не работать в воскресную обеденную смену в «Локо кальенте», техасско-мексиканском ресторане на Кентиш-Таун-роуд, где и еда, и атмосфера горячее некуда.

– Итак, прежде чем мы откроем двери для гостей, пожелавших прийти на бранч, я бы хотел еще раз повторить список сегодняшних блюд дня. На первое, как в прошлый раз, суп-пюре из сладкой кукурузы, а основное блюдо – вкуснейшее и сочное буррито с рыбой!

Скотт издал громкое «у-уфф» и подождал, пока сотрудники не перестанут стонать и делать вид, что их тошнит. Скотт был маленьким и бледным человечком с розовыми глазками и дипломом университета Лафборо в области делового администрирования. Когда-то Скотт мечтал стать процветающим промышленником. В своих мечтах он играл в гольф в конференц-центрах и поднимался по трапу частного самолета. В реальности он не далее как сегодня утром вытащил из трубы под раковиной кусок желтого свиного жира размером с человеческую голову. Голыми руками. Он все еще чувствовал жир между пальцами. Ему было тридцать девять лет, и судьба его должна была сложиться совсем иначе.

– По сути, это то же буррито с говядиной, свининой или курицей, но, цитирую, «с аппетитнейшими сочными кусочками трески и лосося». Как знать, если повезет, может, даже пара креветок попадется…

– Это просто кошмар какой-то! – со смехом произнес Падди из-за стойки бара, где он сидел и нарезал лаймы на ломтики, чтобы затем украсить ими горлышки пивных бутылок.

– Привнесем легкий североатлантический колорит в латиноамериканскую кухню, – сказала Эмма Морли, примеряя фартук официантки.

За спиной Скотта она заметила новичка – крупного, коренастого парня со светлыми курчавыми волосами на большой голове цилиндрической формы. Значит, новенький. Другие сотрудники смотрели на него настороженно, изучая его так, словно он был новоприбывшим в Белом доме.

– А теперь хорошая новость, – продолжил Скотт. – Хочу представить Иэна Уайтхеда, нового члена нашей дружной команды высококвалифицированных профессионалов!

Иэн задрал козырек форменной бейсболки так, что тот оказался почти у него на затылке, и, подняв руку, поприветствовал присутствующих поднятым кверху большим пальцем.

– Йоу, ребята! – изрек он, похоже с американским акцентом.

– *Йоу, ребята?* И где только Скотт их находит, – хохотнул Падди из-за стойки бара, достаточно громко, чтобы новичок услышал.

Скотт так крепко хлопнул Иэна по плечу, что тот испугался.

– Итак, вручаю тебя Эмме, которая работает у нас дольше всех!

Услышав это, Эмма поморщилась, затем виновато улыбнулась новичку, и тот улыбнулся в ответ, крепко сжав губы, что делало его похожим на Стэна Лорела.

– Она покажет тебе что к чему, – добавил Скотт. – На этом всё. Не забудьте! Буррито с рыбой! А теперь – музыка!

Падди нажал клавишу на панели забрызганного жиром магнитофона, стоявшего на стойке бара, дав начало сорокапятиминутному сборнику латиноамериканской музыки, который давно уже сидел у всех работников ресторана в печенках. Первой шла, как и следовало ожидать, «Кукарача» – песня о таракане, которую им предстояло услышать двенадцать раз за восьмичасовую смену. Эмма опустила голову, разглядывая бейсболку в своих руках. Логотип заведения – мультипликационный ослик – выпучил на нее свои глаза из-под сомбреро. Вид у ослика был такой, словно он выпил или, скорее даже, сошел с ума. Эмма нахлобучила бейсболку и медленно соскользнула с барного табурета, словно ступая в ледяную воду. Улыбаясь и смущенно засунув пальцы в карманы белоснежных джинсов, ее ждал новенький, и, глядя на него, Эмма в который раз подумала: «Куда же катится моя жизнь?»

Эмма, Эмма, Эмма. Как ты там, Эмма? Что делаешь в эту секунду? В Бомбее мы на шесть часов вперед, поэтому, наверное, ты еще лежишь в кровати, испытывая похмелье, как обычно в воскресенье утром. ЕСЛИ ТАК, ТО ПРОСЫПАЙСЯ! ЭТО ДЕКСТЕР!

Я пишу это письмо из дешевого хостела в центре Бомбея. На здешние матрасы страшно взглянуть, а еще здесь полно бешеных австралийских бэкпекеров[5]*. В путеводителе написано, что это хостел с особой атмосферой (читай: мышами), но в моей комнате есть еще маленький пластиковый столик у окна, а на улице настоящий потоп, льет сильнее, чем в Эдинбурге. Дождь барабанит по крыше так громко, Эм, что я едва слышу кассету, которую ты мне записала и которая, кстати, мне очень нравится, если не считать тех женских рок-групп, – в конце концов, я все-таки не девчонка! Пытаюсь читать и книги, которые ты прислала мне на Пасху, хотя должен признать, «Говардс-Энд» идет тяжело, как будто кто-то двести страниц пьет одну чашку чая. Я все жду, когда кто-нибудь из героев выхватит нож или инопланетяне захватят землю. Но ничего такого не будет, верно? Когда ты решишь прекратить попытки сделать меня более начитанным? Надеюсь, никогда.*

Кстати, ты уже догадалась по нехарактерному для меня многословию и количеству восклицательных знаков, что я пишу эти строки пьяным? Пиво за обедом. Видишь, чернила размазались (туда указывает стрелочка)? Это индийский дождь из незакрытого окна, а это (другая стрелочка) – мой пот!

Между прочим, как ты уже знаешь, я не очень силен в письмописании, в отличие от тебя (твое последнее письмо было просто уморительным), поэтому скажу лишь, что Индия феноменальна. Когда меня выгнали из Международной школы английского языка, я никак не мог предположить, что это будет буквально лучшее, что произойдет со мной в жизни. Хотя я до сих пор считаю, что они это зря. «Не соответствует моральным стандартам». Это я, что ли? Туве, между прочим, двадцать один год. Не стану утомлять тебя рассветами над Гиндукушем и прочей сентиментальной ерундистикой, а скажу лишь, что все стереотипы об Индии – чистая правда (нищета, кишечные отравления и т. д.). Мало того что это страна с богатой и древней культурой, но ты НЕ ПОВЕРИШЬ, что тут можно купить в аптеке без рецепта!

Итак, я повидал немало интересных вещей, хотя и не всегда хороших, но это все же опыт. Еще я наснимал кучу фотографий, которыми буду пытать тебя очень ме-е-е-едленно, когда вернусь. Сделай вид, что тебе интересно, ладно? Я же притворялся, что слушаю, когда

---

[5] *Бэкпекер* (от *англ.* backpack – рюкзак) – термин, обозначающий путешественника, который совершает самостоятельные путешествия за небольшие деньги, чаще всего принципиально отказываясь от услуг туроператоров.

ты разглагольствовала что-то там о протестах по поводу введения избирательного налога. Я показал свои фотографии продюсерше с телевидения, с которой на днях познакомился в поезде, – этой даме уже за тридцать, не подумай ничего такого, – и она сказала, что из меня вполне мог бы получиться профессионал. Сама она снимает молодежную программу о путешествиях. Вручила мне свою визитку и сказала, чтобы позвонил в августе, когда у них опять будут съемки. Как знать, может, возьмет меня на работу помощником или даже режиссером!

А что у тебя с работой? Играешь в очередной пьесе? Мне правда, правда понравилась твоя пьеса про Вирджинию Вулф и эту… Эмили, как ее там?.. тогда в Лондоне, и, как я уже говорил, пьеса многообещающая. И хотя кажется, что я вру, на самом деле это не так. Но я думаю, ты правильно сделала, что решила бросить актерскую карьеру – не потому, что актриса из тебя никакая, нет, а потому, что совершенно очевидно, что тебя эта работа достала. Кэнди, между прочим, оказалась милой, куда симпатичнее, чем ты ее рисовала. Передай ей, что она мне понравилась. Так ты продолжаешь играть на сцене? По-прежнему живешь в «гардеробной»? В квартире, где вечно пахнет жареным луком? А Тилли Киллик замачивает безразмерные серые лифчики в раковине? Ты все еще работаешь в «Мучо Локо» или как там его? После твоего последнего письма я хохотал как ненормальный, но тебе и правда надо сваливать оттуда, Эм, потому что то, над чем хорошо смеяться, обычно оказывается плохим для душевного здоровья. Нельзя выбрасывать лучшие годы своей жизни лишь ради того, чтобы потом было над чем посмеяться.

Что возвращает меня к причине того, почему я пишу это письмо? Готова ее услышать? Ты лучше сядь, пожалуй…

– Итак, Иэн, добро пожаловать на кладбище амбиций!

Эмма распахнула дверь комнаты для персонала, опрокинув на пол пивной стакан, в котором плавали вчерашние окурки. Официальная экскурсия по ресторану началась с тесной комнаты со спертым воздухом и видом на Кентиш-Таун-роуд, кишевшую студентами и туристами, направлявшимися в Камден-маркет за высокими меховыми шапками и футболками с улыбающимися рожицами.

– «Локо кальенте» означает «Безумно жаркий». «Жаркий» – потому что кондиционер не работает, «безумно» – потому что лишь безумцы решаются попробовать местную стряпню. Или здесь работать, раз уж на то пошло. Mucho mucho loco. Давай покажу, куда сложить вещи. – (Они миновали горы газет недельной давности и оказались перед старыми, обшарпанными шкафчиками.) – Вот твой шкафчик. Он не запирается. Не вздумай оставлять здесь на ночь форму, потому что кто-нибудь непременно ее сопрет, хотя одному Богу известно, кому она нужна. Начальство также очень рассердится, если ты потеряешь бейсболку. В таких случаях принято топить сотрудников в чане с пряным соусом для барбекю…

Иэн искренне рассмеялся, хотя и слегка принужденно. Эмма, вздохнув, повернулась к обеденному столу для персонала, все еще уставленному вчерашней грязной посудой.

– На ланч у нас двадцать минут. Можно выбрать любое блюдо из меню, кроме королевских креветок, что на самом деле хорошо. Если тебе дорога жизнь, никогда не ешь королевские креветки в нашем ресторане. Они как русская рулетка: одна из шести тебя убьет.

Она принялась убирать со стола.

– Давай я… – сказал Иэн и робко взял измазанную мясной подливой тарелку кончиками пальцев.

Новенький – все еще брезгливый, подумала, глядя на него, Эмма. У него было приятное, широкое, дружелюбное лицо под шапкой соломенных кудряшек, гладкие раскрасневшиеся щеки и рот, который он обычно держал открытым. Не красавец, конечно, но у него лицо

человека, которому можно доверять. Почему-то это лицо заставило ее подумать о тракторах, хотя эта ассоциация и не слишком льстила ее новому знакомому.

Вдруг она поняла, что он смотрит на нее, и спросила:

– Так скажи, Иэн, что привело тебя к нам?

– О, все как обычно. Надо как-то платить за квартиру.

– И это единственный выход? Как насчет устроиться временным секретарем или пожить с родителями, например?

– Ну, мне надо быть в Лондоне и нужен гибкий график…

– Зачем, кем ты являешься по совместительству?

– Что ты имеешь в виду?

– По совместительству. Тут у нас все еще кто-то, помимо основной работы. Официант-художник, официант-актер. Бармен Падди мечтает стать моделью, но, если честно, у меня на этот счет некоторые сомнения.

– Ну-ууу… – протянул Иэн, как ей показалось, с шотландским акцентом, – тогда я, наверное, комик. – Он сделал веселую мину и, подставив ладони к ушам, помахал ими, как крыльями.

– Ясно-ясно. Комик, значит. Что ж, все мы любим посмеяться. Ты играешь в скетчах… или?..

– В основном да. А ты?

– Что я?

– Ты кто по совместительству? Чем еще занимаешься?

Она хотела было ответить: «Драматург», – но даже спустя три месяца было слишком свежо в памяти унижение, испытанное при виде пустого зала, перед которым она разыгрывала Эмили Дикинсон. С таким же успехом можно было бы назваться космонавтом – это соответствовало бы действительности не меньше, чем «драматург».

– О, я занимаюсь вот этим. – Она отодрала от тарелки вчерашнее буррито с коркой застывшего сыра. – Вот что я делаю.

– И как, нравится?

– Нравится? Да я только этим и живу! Ну а если серьезно, я тоже живой человек. – Она вытерла вчерашний кетчуп скомканной салфеткой и направилась к двери. – Пойдем, покажу тебе туалеты. Крепись…

С тех пор как я начал писать это письмо, мною было употреблено (или «были употреблены»?) еще два пива, поэтому я готов сказать вот что. Эм, мы знакомы уже пять или шесть лет, но два года являемся, как это говорится, «друзьями», что не так уж долго, но мне кажется, я кое-что знаю о тебе и понимаю, в чем твоя проблема. И учти, в колледже по антропологии у меня было 2,2, то есть хуже некуда, поэтому я знаю, о чем говорю. И если не хочешь ознакомиться с моей теорией, прекрати читать прямо сейчас.

Ну вот. Отлично. Эмма, по-моему, ты боишься стать счастливой. Ты думаешь, что естественный порядок вещей – это когда твоя жизнь уныла, бесцветна и скучна, ты ненавидишь свою работу, свой город, не способна добиться успеха, заработать денег или, упаси боже, завести парня (кстати, замечу, что твои самоуничижительные реплики по поводу собственной непривлекательности мне уже надоели). Более того, я пойду дальше и осмелюсь предположить, что тебе даже нравится чувствовать себя постоянно разочарованной и никчемной, потому что так ведь проще, верно? Быть унылой неудачницей проще, потому что всегда можно обратить это в шутку. Тебя бесят мои наблюдения? Еще бы. А ведь я только начал.

Эм, мне невыносима даже мысль о том, что сейчас ты сидишь в своей ужасной квартире, с непонятными запахами и звуками и голой лампочкой над головой, или в прачеч-

ной-автомате. Кстати, в наш прогрессивный век не вижу ни одной причины пользоваться прачечной-автоматом. Это не модно и не актуально, а просто уныло, вот! Даже не знаю, Эм: ты молода, почти гениальна, и при всем при этом считаешь, что хорошо провести время – значит сходить в прачечную-автомат! Что ж, по-моему, ты заслуживаешь большего. У *тебя есть мозги и чувство юмора, ты добрая, даже слишком, если начистоту, и из всех моих знакомых лучше всего соображаешь. И (глоток пива, глубокий вдох…) ты к тому же Очень Красивая Женщина. И (еще глоток), говоря «Очень Красивая», я имею в виду и то, что ты сексуальна, хотя мне и немножко неловко, когда я пишу эти строки. Но я не буду ничего зачеркивать из-за того лишь, что называть женщину сексуальной неполиткорректно. Потому что ты сексуальна, и это факт. Ты красотка, Эм, и если бы я мог сделать тебе хоть один подарок в этой жизни, им были бы эти слова. Которые призваны вселить в тебя уверенность. Я бы подарил тебе уверенность в себе. Или ароматическую свечку.*

По твоим письмам и нашему разговору после пьесы я также понял, что ты сейчас чувствуешь себя растерянной и не знаешь, как дальше строить свою жизнь; как говорится, «без руля, без весел, без цели». Но это нормально, это ничего, ведь мы все так себя чувствуем в двадцать четыре. Наше поколение чувствует себя именно так. Я где-то читал об этом: всё потому, что мы никогда не были на войне и слишком много смотрели телик. Но как бы то ни было, те люди, кто знает, где весла и руль, и те, у кого есть цель, все равно страшные зануды, прямоугольные карьеристы вроде долбаной Тилли Киллик или Кэллума О'Нила с его компьютерными технологиями. Лично у меня нет никакого плана. И хотя я знаю, что, по-твоему, моя жизнь устроена, на самом деле это не так. Я тоже растерян, просто мне не надо волноваться о пособии по безработице, жилищных льготах, будущем лейбористской партии, о том, где я буду через двадцать лет, и о том, как чувствует себя на свободе Нельсон Мандела.

Пора мне передохнуть перед следующим абзацем, потому что я еще даже не начал. Тебе предстоит прочесть о том, что изменит твою жизнь раз и навсегда. Интересно, готова ли ты к такому повороту?

Где-то между туалетами для персонала и кухней Иэн Уайтхед продемонстрировал ей свой комический номер.

– Приходилось ли тебе стоять в супермаркете в очереди к кассе, предназначенной для покупателей, у которых меньше шести покупок? И вот перед тобой стоит бабулька, а у нее в корзинке *семь* покупок. И ты стоишь, пересчитываешь их и ненавидишь весь мир…

– Ay caramba, – произнесла Эмма себе под нос, толкая ногой дверь в кухню, где их тут же накрыла волна горячего воздуха, жалящего глаза, едкого и пропитанного халапеньо и теплой хлоркой.

Из видавшего виды кассетника разносилась оглушительная музыка в стиле эйсид-хаус, а повара – сомалиец, алжирец и бразилец – снимали крышки с белых пластиковых ведер с полуфабрикатами.

– С добрым утром, Бенуа, Кемаль, ола, Хесус, – бодро проговорила Эмма, и повара улыбнулись и дружелюбно кивнули в ответ.

Эмма с Иэном переместились к доске для заметок, где висела ламинированная инструкция, в которой указывалось, как поступить, если кто-то подавился едой, а такое вполне возможно. Рядом висел большой лист бумаги с обтрепавшимися краями – пергаментная карта техасско-мексиканской границы. Эмма постучала по нему пальцем:

– Похоже на карту сокровищ? Что ж, не обольщайся – это всего лишь меню. Никаких сокровищ в нем нет, compadre, – всего лишь сорок восемь блюд, и все без исключения являются вариациями на тему основных пяти техасско-мексиканских продуктов. Говяжий фарш с фасолью, сыр, курица и гуакамоле. – Она провела по карте пальцем. – Итак, если двигаться с

востока на запад, мы имеем курицу с фасолью под сырной корочкой, курицу с тертым сыром под соусом гуакамоле, гуакамоле с говяжим фаршем, курицей и сыром…

– Понятно, понятно…

– Иногда ради разнообразия добавляется рис или сырой лук, но самое интересное, куда потом кладется вся эта начинка. А тут главное – не перепутать, где пшеница, а где кукуруза.

– Пшеница и кукуруза, ясно…

– Кукурузные лепешки – это тако, пшеничные – буррито. Есть и более простой способ отличить одно от другого: если что-то крошится у тебя в руках и жжется – это тако; если хлюпает, разбрызгивая по рукавам красный жир, – перед тобой буррито. Вот, собственно… – она отделила мягкую лепешку от стопки из пятидесяти штук и помахала ею у Иэна перед носом, как мокрой тряпкой, – это буррито. Кладем начинку, обжариваем во фритюре, посыпаем сыром и кладем в гриль, чтобы сыр расплавился: получается энчилада. Тортилья – это тако с начинкой, а если у тебя буррито, куда начинку принято класть самим, мы имеем дело с фахитас.

– А тостада?

– Тостада еще впереди. Не пытайся бежать, прежде чем не научился ходить. Фахитас разносят на вот этих раскаленных сковородках… – Она взяла в руку увесистую чугунную сковороду с рифленым дном, которая словно только что была выкована. – С ними надо поосторожнее. Ты даже не представляешь, сколько раз нам приходилось отдирать эти горячие штуки от посетителей. А те потом еще и чаевые отказываются давать…

Иэн уставился на Эмму, глупо улыбаясь. Она тем временем привлекла его внимание к ведерку у своих ног:

– Вот это белое нечто – сметана, ну, только, конечно, не сметана в нашем привычном понимании, а какой-то гидрогенизированный сметанозаменитель. Остатки нефтяного производства. Отличная штука, чтобы приклеивать сломанные каблуки, но вот в остальном…

– Можно вопрос?

– Валяй.

– Что ты делаешь после работы?

Бенуа, Хесус и Кемаль разом прекратили все свои дела, а Эмма придала лицу подобающее случаю выражение и рассмеялась:

– А я смотрю, ты не ходишь вокруг да около, так, Иэн?

Он снял свою бейсболку и стал вертеть ее в руках, точь-в-точь как жених, пришедший свататься.

– Это не свидание, ничего такого. Наверняка у тебя кто-нибудь есть! – Он замолк в ожидании ответа, но на лице Эммы не дрогнул ни один мускул. – Я просто подумал, может, тебя заинтересуют мои… – он заговорил в нос, – уникальные комические скетчи, только и всего. У меня сегодня выступление. – Произнося слово «выступление», он изобразил пальцами кавычки. – В клубе «Лягушка и попугай» в Кокфостерсе.

– «Лягушка и попугай»?

– В Кокфостерсе. Это у черта на куличках, а добираться туда в воскресенье вечером – все равно что лететь на Марс, но… пусть даже комик из меня дерьмовый, другие ребята там что надо. Ронни Батчер, Стив Шелдон, Близнецы Камикадзе… – Он продолжал говорить, и Эмма уловила его настоящий акцент – приятную легкую гнусавость деревенского жителя с Западной Англии, еще не изжитую в большом городе, и ей на ум снова пришли тракторы. – Сегодня у меня новый скетч про различия между мужчиной и женщиной…

Сомнений быть не могло: он звал ее на свидание. И ей бы пойти. Ведь не так уж часто это случается, да и что плохого может выйти, в конце концов?

– И кормят там вкусно. Все как обычно: бургеры, спринг-роллы, картошка фри…

– Звучит заманчиво, Иэн, особенно картошка фри, но я сегодня не могу, прости.

– Правда?

– В семь церковная служба.

– А если серьезно?

– Предложение хорошее, но после смены я еле стою на ногах. Силы остаются лишь на то, чтобы пойти домой, набить брюхо, поплакать. Поэтому, боюсь, придется отказаться.

– Так, может, в другой раз? В пятницу я выступаю в «Чеширском коте» в Бэлеме…

Эмма заметила, что повара заинтересованно на них поглядывают. Бенуа хихикал, прикрыв рукой рот.

– Может, в другой раз, – ответила она дружелюбно, но решительно и торопливо сменила тему. – А это, – она постучала ногой по второму ведру, – это у нас сальса. Постарайся не испачкаться. Жжется, зараза!

Понимаешь, в чем дело, Эм, – только что вернулся в свой хостел, бежал под дождем, а дождь тут такой теплый, порой даже горячий, совсем не такой, как в Лондоне, – как я уже говорил, я напился и поймал себя на том, что думаю о тебе и о том, как жаль, что тебя нет рядом, чтобы увидеть все это, почувствовать. На меня снизошло озарение, и вот, собственно, оно.

Ты должна быть здесь, со мной. В Индии.

И вот мой грандиозный план, который, конечно же, покажется тебе безумным, но я все-таки отправлю это письмо, пока не успел передумать. Ты должна выполнить мои простые указания.

1. Бросай сейчас же свою дерьмовую работу. Пусть кто-нибудь другой посыпает сыром тортильи за 2,20 в час. Сейчас же положи в сумку бутылку текилы и мотай оттуда. Только представь, Эм, как это будет здорово! Уйди сейчас. Просто сделай это, и все.

2. Я также считаю, что тебе нужно свалить с той квартиры. Тилли обдирает тебя как липку. Как можно платить столько за комнату без окон? Это не «гардеробная комната», а самый что ни на есть шкаф, и тебе надо сваливать оттуда. Пусть кто-нибудь другой развешивает Тилли ее серые лифчики! Когда я вернусь в так называемый реальный мир, то куплю квартиру, потому что именно так поступают мерзкие зажравшиеся капиталисты вроде меня, и ты всегда сможешь жить у меня временно или постоянно, если захочешь, потому что мне кажется, у нас все получится, как по-твоему? Мы вполне можем стать СОСЕДЯМИ. Конечно, если тебе удастся противостоять моей сексуальной неотразимости. Ха-ха! Если же нет, буду по ночам запирать тебя в твоей комнате. Короче, так мы дошли до самого главного, а именно:

3. Как только ты это прочтешь, вставай и иди в студенческое турагентство на Тоттенхэм-Корт-роуд и возьми себе билет с ОТКРЫТОЙ ДАТОЙ до Дели, желательно с вылетом до 1 августа, а это уже через две недели. Если ты забыла, это мой день рождения. За ночь до знаменательной даты садись на поезд до Агры и там остановись в дешевом мотеле. Наутро встань пораньше и иди в Тадж-Махал. Может, слышала о таком? Большое белое здание, в честь которого назвали индийский ресторан на Лотиан-роуд. Оглянись вокруг, и ровно в полдень, если встанешь под самым куполом с красной розой в одной руке и экземпляром «Николаса Никльби» в другой, я приду и отыщу тебя, Эм. Я буду держать в одной руке белую розу, а в другой – экземпляр «Говардс-Энда» и, когда увижу тебя, швырну в тебя эту тягомотину!

Не правда ли, это самый грандиозный план, о котором ты слышала?

Уверен, ты скажешь: ах этот Декстер, опять он в своем духе, а о самом главном забыл! Где взять деньги? Ведь авиабилеты не растут на деревьях, и как же мой соцпакет и рабочая этика и т. д. и т. п. Что ж, не волнуйся – за все плачу я. Да, ты не ослышалась: за все плачу я! Переводом вышлю тебе деньги на авиабилет – всегда хотел перевести кому-нибудь деньги из-за границы – и буду оплачивать все твои расходы, пока ты будешь в Индии, что, конечно же, звучит круто, но на самом деле не так, потому что тут все ЧЕРТОВСКИ ДЕШЕВО. Мы

можем прожить здесь несколько месяцев, Эм, ты и я, потом поехать в Кералу или в Таиланд. Пойдем на вечеринку в полнолуние. Представь, не спать всю ночь не потому, что беспокоишься о будущем, а потому, что это весело. Помнишь, как мы всю ночь не спали тогда, в Эдинбурге, Эм? Ладно. Рассказываю дальше.

Всего за триста фунтов чужих денег ты могла бы изменить свою жизнь, и не надо из-за этого переживать, поскольку, сама посуди, у меня есть деньги, хотя я никогда и не работал, а ты там вкалываешь и все равно сидишь без денег. Это ли не социализм в действии? Если тебе очень-очень захочется, ты, конечно, сможешь вернуть мне долг, когда станешь знаменитым драматургом или поэзия вырастет в цене и т. д. К тому же это всего на три месяца. Мне осенью все равно возвращаться. Сама знаешь, у мамы проблемы со здоровьем. По ее словам, операция прошла успешно, но может, она говорит так лишь для того, чтобы меня успокоить? Как бы то ни было, рано или поздно мне все равно придется вернуться. Кстати, у моей мамы есть теория насчет тебя и меня, и, если ты придешь на встречу в Тадж-Махал, я все тебе расскажу, но только если придешь.

На стене передо мной сидит нечто вроде гигантской хищной саранчи, и она так на меня смотрит, будто приказывает мне заткнуться, что я и делаю. Дождь закончился, сейчас я пойду в бар на встречу с новыми друзьями. Говоря «новые друзья», я имею в виду трех студенток амстердамского мединститута, и этим все сказано. Но по пути я непременно отыщу почтовый ящик и отправлю это письмо, пока не передумал. Не потому, что считаю твой приезд сюда плохой идеей. Вовсе нет, идея замечательная, ты обязательно должна приехать! И не потому, что думаю, будто слишком много наговорил. Извини, если тем самым досадил тебе. Суть всего сказанного в том, что я думаю о тебе, причем постоянно. Декс и Эм, Эм и Декс. Можешь считать меня сентиментальным, но в этом мире нет ни одного человека, кроме тебя, вместе с которым я с большей охотой подцепил бы дизентерию.

Тадж-Махал, 7 августа, полдень.

Я тебя найду!

С любовью,

Д.

…И, поставив точку, он потянулся, почесал затылок, допил последний глоток пива, взял письмо, аккуратно сложил листки и торжественно положил перед собой получившуюся стопку. Тряхнул затекшей рукой – одиннадцать страниц, да еще и быстро написанных; он так много не писал с выпускных экзаменов. Удовлетворенно вытянув руки вверх над головой и потянувшись, он подумал: нет, это не письмо – это подарок.

Надев сандалии, он встал, слегка шатаясь, и с дрожью приготовился к походу в общие душевые. Его тело стало темным от загара – он целых два года работал над этим, и теперь цвет бронзы проник глубоко в кожу, как креозотовая пропитка – в древесину забора. Волосы были пострижены почти под ноль – над прической потрудился местный брадобрей. Декстер также немного похудел, но втайне ему нравился новый образ: вид изможденного человека, который героически плутал по джунглям и которого только что спасли. В довершение он сделал ни к чему не обязывающую татуировку на щиколотке – нейтральный символ инь-ян. Возможно, в Лондоне он об этом еще пожалеет, но ничего – всегда можно надеть носки.

Слегка протрезвев после холодного душа, он вернулся в свою крошечную комнату и произвел ревизию рюкзака в поисках подходящей одежды для свидания с голландскими студентками. Он перенюхал все свои футболки и штаны, откладывая их в сторону, пока те не образовали большую кучу на дырявой циновке. Выбрав наименее влажную майку с винтажной американской символикой, он натянул какие-то джинсы, обрезанные чуть ниже колен, которые следовало носить без нижнего белья, чтобы чувствовать себя отважным бунтарем. Путешественником и первооткрывателем.

А потом он увидел письмо. Шесть голубых листков, исписанных мелким почерком с обеих сторон. Он уставился на письмо, словно то была вещь, ненароком забытая непрошеным гостем, уже трезвым взглядом, и его взяло сомнение. Он осторожно поднял стопку листков, выловил взглядом случайную строку и тут же отвернулся, скривив рот. Восклицательные знаки, целые слова, написанные прописными буквами, нелепые шутки… Он назвал ее сексуальной… «письмописание»… Такого слова даже не существует. В этом письме его голос звучал как у начитавшегося стишков шестиклассника, а не путешественника и бунтаря с короткой стрижкой, татуировкой и в джинсах, надетых на голое тело. *Я тебя найду, я думаю о тебе, Декс и Эм, Эм и Декс*… О чем он только думал? То, что казалось трогательным и важным всего час назад, теперь выглядело слащавой банальностью, а местами и откровенным враньем; не было на его стене никакой хищной саранчи, и он не слушал ее кассету, как написал: посеял кассетник где-то в Гоа. Это письмо все изменит между ними. Но разве ему не нравится нынешнее положение дел? Действительно ли он хочет, чтобы Эмма приехала к нему в Индию, смеялась над его татуировкой, остроумно комментировала все вокруг? Придется ли ему поцеловать ее в аэропорту? Будут ли они спать в одной кровати? А может, не так уж ему и хочется ее видеть?

Нет, наконец решил он, хочется. Потому что, несмотря на очевидную глупость, в его словах сквозила искренняя симпатия, и даже больше чем симпатия, и он непременно должен отправить это письмо сегодня же вечером. Если же она будет смеяться, всегда можно отшутиться: мол, был пьян. К тому же это правда.

Не сомневаясь больше, он положил письмо в авиапочтовый конверт и сунул его между страницами «Говардс-Энда», подписанного рукой Эммы. А затем пошел на встречу с новыми голландскими знакомыми.

В тот вечер, чуть позже девяти, Декстер ушел из бара с Рене ван Хутен, которая училась на фармацевта в Роттердаме. Ладони ее были расписаны поблекшей хной, в кармане лежала упаковка темазепама[6], а на копчике красовалась неумело сделанная татуировка с изображением дятла Вуди Вудпекера. Когда Декстер пропустил ее в дверях, ему показалось, что птица похотливо на него скалится.

Спеша к выходу, Декстер и его новая подруга случайно толкнули Хайди Шиндлер, студентку факультета химического машиностроения из Кёльна, двадцати трех лет от роду. Хайди выругалась, но по-немецки и достаточно тихо, так что Декстер ничего не слышал. Проталкиваясь сквозь толпу в баре, она сняла свой огромный рюкзак и оглядела зал в поисках свободных мест. У нее было румяное круглое лицо, напоминавшее несколько кругов, наложенных один на другой; этот эффект усиливали круглые очки, запотевшие в жарком и влажном воздухе. Хайди была не в настроении. Во-первых, ее раздуло от антидиарейных препаратов, во-вторых, она злилась, что друзья все время ее бросают и без нее убегают. Рухнув на ветхий ротанговый диван, она без стеснения предалась жалости к себе. Сняла запотевшие очки, вытерла краем футболки, поерзала, устраиваясь удобнее, и… почувствовала, как что-то впилось ей в зад. Хайди снова тихо выругалась.

Между засаленными поролоновыми подушками лежала книга под названием «Говардс-Энд», а в книге – письмо. И хотя письмо предназначалось кому-то другому, при виде красно-белой каймы авиаконверта Хайди невольно испытала волнение. Она взяла письмо, прочла его, а потом перечитала еще раз.

Английский Хайди был далек от совершенства, и некоторые слова показались ей незнакомыми – «письмописание», к примеру. Но она поняла достаточно, чтобы осознать важность этого письма. Это было такое письмо, которое ей очень хотелось бы когда-нибудь получить. Не

[6] *Темазепам* – лекарство от бессонницы, печально известное в 1980-х как самый распространенный препарат, применяемый не по назначению (с целью достижения эффекта наркотического опьянения).

любовное, но почти. Она представила, как эта Эм читает его и перечитывает, слегка раздосадованная, но довольная, и вообразила, как Эм следует его указаниям: бросает свою ужасную квартиру и дерьмовую работу и меняет жизнь к лучшему. Хайди представила Эмму Морли, которая в ее воображении была почему-то очень похожа на нее саму, в назначенный день у Тадж-Махала. Вот к ней подходит красивый блондин, и они целуются. Представив это, Хайди почувствовала себя немного счастливее. И решила: что бы ни случилось, Эмма Морли должна получить это письмо.

Но на конверте не было ни адреса Эммы, ни адреса этого Декстера. Хайди пробежала письмо глазами в поисках хоть какой-то подсказки, например названия ресторана, где работала Эмма, но ничего такого не нашла. Тогда она решила навести справки в отеле напротив. В конце концов, что еще она могла сделать?..

Теперь Хайди Шиндлер зовут Хайди Клаус. Ей сорок один год, она живет в пригороде Франкфурта с мужем и четырьмя детьми и, в принципе, счастлива – уж, по крайней мере, счастливее, чем могла предположить в двадцать три. А книга «Говардс-Энд» в бумажном переплете так и стоит на полке в спальне для гостей, забытая и непрочитанная, а между обложкой и первой страницей вложено письмо. И на той самой первой странице мелким аккуратным почерком сделана надпись:

Милому Декстеру. Великая книга для твоего великого путешествия. Попутного тебе ветра, возвращайся в целости и сохранности и без татуировок. Будь хорошим мальчиком, хотя бы настолько, насколько способен. Черт, как же я буду по тебе скучать! С любовью, твоя лучшая подруга Эмма Морли. Клэптон, Лондон, апрель 1990.

Глава 4
Шансы

Понедельник, 15 июля 1991 года

Камден-таун и Примроуз-хилл

– ВНИМАНИЕ! ПОЖАЛУЙСТА, ПОСЛУШАЙТЕ! Эй, люди! Хватит разговаривать, замолчите, замолчите, пожалуйста. Прошу. Спасибо. Итак, с вашего позволения, повторим сегодняшнее меню. Для начала так называемые блюда дня. Сегодня у нас суп-пюре из сладкой кукурузы и чимичанга из индейки.

– Индейка? В июле? – спросил Иэн Уайтхед из-за стойки бара, где нарезал лаймы на ломтики, чтобы затем украсить ими горлышки пивных бутылок.

– Поскольку сегодня понедельник, – продолжил Скотт, – должно быть тихо и мирно, и я не хочу видеть ни одного пятнышка! Я посмотрел график… Иэн, сегодня твоя очередь мыть туалеты.

Остальные работники усмехнулись.

– Почему вечно я? – простонал Иэн.

– Потому что у тебя это получается так здорово, – ответила его хорошая подруга Эмма Морли, и Иэн воспользовался шансом и обнял ее за сутулые плечи, делая вид, что закалывает ее ножом.

– И еще, Эмма, когда вы закончите свою клоунаду, не могла бы ты зайти ко мне в кабинет? – добавил Скотт.

Под многозначительными взглядами усмехающихся сотрудников Эмма высвободилась из тисков Иэна. Бармен Рашид нажал клавишу на панели забрызганного жиром магнитофона, стоявшего на стойке бара, и «Кукарача», песня о таракане, заиграла, чтобы повториться еще тысячу раз, и даже шутки на эту тему уже не казались смешными.

– Перейду сразу к делу. Садись.

Скотт закурил, а Эмма тем временем взгромоздилась на барный табурет, стоявший напротив его большого стола, на котором царил вечный беспорядок. Июльское солнце едва пробивалось сквозь стену коробок с водкой, текилой, сигаретами, большинство из которых оказывались в карманах персонала. В комнате стоял запах пепельниц и разочарования.

Скотт положил ноги на стол:

– Дело в том, что я ухожу.

– Да что ты?

– В головном офисе мне предложили возглавить новую сеть «Хайль Цезарь» в Илинге…

– Что за «Хайль Цезарь»?

– Новая крупная сеть современных итальянских ресторанов…

– И они назвали ее «Хайль Цезарь»?

– Да.

– Почему не «Хайль Муссолини»?

– Они хотят сделать итальянский ресторан по тому же принципу, что этот мексиканский.

– В смысле такой же дерьмовый?

Скотт, кажется, обиделся:

– Перестань, Эмма, ладно?

– Извини, Скотт, честно. Поздравляю тебя, ты молодец, правда… – Она осеклась, поняв, что за этим сообщением последует.

– Понимаешь, в чем дело… – Он переплел пальцы, наклонился вперед, точно повторяя действия какого-то бизнесмена, увиденного по телевизору, и преисполнился удовольствия от внезапно обретенной власти. – Меня попросили назначить себе замену на пост менеджера. Об этом я и хотел с тобой поговорить. Мне нужен человек, который никуда не денется. Надежный человек, который не сбежит в Индию без предупреждения и не бросит все ради более интересной работы. Кто-то, кто точно останется тут еще на пару лет и посвятит всю себя… Эмма… ты что, плачешь?

Эмма опустила голову и закрыла глаза обеими руками:

– Извини, Скотт, просто день сегодня такой.

Он нахмурился: его раздражали слезы Эммы, но одновременно ему было ее жалко.

– Вот, возьми… – Скотт выудил рулон бумажных кухонных полотенец из большой фабричной упаковки. – Успокойся. – Он бросил ей рулон, и тот отскочил от ее груди. – Я что-то не то сказал?

– Нет, нет, нет, это личное… Так, иногда всплывает. Мне ужасно стыдно. – Она промокнула глаза двумя кусочками грубой голубой бумаги. – Извини, извини и еще раз извини… Так что ты говорил?

– Я даже не знаю, стоит ли продолжать после того, как ты так расплакалась.

– Кажется, речь шла о том, что моя жизнь безнадежна. – После этих слов она начала смеяться и плакать одновременно и, оторвав третий кусок бумаги, прижала его ко рту.

Скотт подождал, пока ее плечи не перестанут вздыматься от всхлипов.

– Так тебе нужна работа или нет?

– Ты хочешь сказать… – она накрыла ладонью крышку двадцатилитровой банки соуса «Тысяча островов», – что все это когда-нибудь будет моим?

– Эмма, если тебе не нужна работа, так и скажи. Я проработал здесь четыре года…

– И у тебя очень хорошо получается, Скотт.

– Зарплата нормальная, тебе никогда больше не придется мыть туалеты…

– Я ценю твое предложение, Скотт.

– Так почему слезы?

– Просто в последнее время я… немного в депрессии.

– В депрессии? – Скотт нахмурился, точно слышал это слово впервые.

– Ну, в смысле… грустно мне.

– А-а… Понятно. – Он хотел было по-отечески ее обнять, но для этого пришлось бы перелезть через десятигаллоновую бочку майонеза, поэтому он лишь подался вперед. – Э-э-э… проблемы в личной жизни?

– Это вряд ли, – рассмеялась Эмма. – Скотт, со мной все в порядке, просто настроение неважное, только и всего. – Она бодро тряхнула головой. – Видишь? Теперь все хорошо, я снова в норме. Давай об этом забудем.

– Так что скажешь? По поводу моего предложения?

– Можно подумать? До завтра?

Скотт добродушно улыбнулся и кивнул:

– Конечно! Не спеши. – Он указал рукой на дверь и добавил с глубоким сочувствием: – Иди, съешь начос.

В пустой служебной комнате Эмма сверлила взглядом тарелку горячих кукурузных чипсов с расплавленным сыром, будто то был ее смертельный враг, подлежащий уничтожению.

Внезапно выпрямившись, она подошла к шкафчику Иэна, покопалась в плотной куче джинсовой одежды и вынула из кармана пачку сигарет. Достала одну, закурила, затем сняла

очки и осмотрела свои глаза в потрескавшемся зеркале, облизывая пальцы и стирая черные разводы. Ее волосы отросли; она не укладывала их и не красила, так что они приобрели цвет, который она сама называла «дохлая мышь». Вытянув из-под резинки, стягивавшей собранные в хвост волосы, одну прядь, Эмма провела по ней пальцами. Когда она мыла голову, шампунь становился серым. Городские волосы. Кожа ее была бледной – слишком много ночных смен; а еще она поправилась и последние пару месяцев надевала юбки через голову. Это все фасоль, жареная и пережаренная. Толстуха, подумала она. Глупая толстуха. Эта мысль теперь постоянно вертелась у нее в голове, а еще фразы «треть жизни позади» и «в чем смысл всего этого?».

В двадцать пять лет у Эммы наступил второй подростковый возраст, и на этот раз самокопания и пессимизма было куда больше, чем в первый. «Приезжай домой, дочка, – сказала мама вчера по телефону дрожащим, полным тревоги голосом, точно ее дочь находилась в плену у инопланетян. – У тебя тут есть своя комната. В универмаге требуются продавцы…» И впервые за все время Эмме захотелось домой. Ей казалось, что она сможет завоевать Лондон, но город поглотил ее, как все и предсказывали. Она-то думала, что попадет в вихрь литературных чтений, политических дискуссий, веселых вечеринок, горько-сладких любовных историй с прогулками по набережной Темзы. Намеревалась создать свою группу, снимать короткометражные фильмы, писать романы… Но прошло два года, и тоненький сборник стихов не стал толще, да и, по правде сказать, не случилось вообще ничего хорошего, если не считать того, что, когда она вместе с единомышленниками выступила против подушного налога, их разогнали полицейские с дубинками.

А ведь она так старалась. У нее была мысль устроиться на работу в издательство. Ее подруга Стефани Шоу нашла такую работу после окончания колледжа, и теперь ее было не узнать. Куда девалась Стефани Шоу, которая хлестала пиво литрами и одевалась во все черное? Теперь она пила белое вино, носила стильные дизайнерские костюмчики и подавала закуски из органических продуктов на званых обедах. По ее совету Эмма разослала письма издателям, агентам, владельцам книжных магазинов, но безуспешно. В стране царил экономический кризис, люди с мрачной решимостью держались за свои места. Она уже начала подумывать о том, чтобы продолжить образование, но студенческие гранты отменили, а плата за обучение была ей не по карману. Правда, всегда можно было устроиться куда-нибудь волонтером, например в «Международную амнистию», но расходы на квартиру и транспорт съедали весь ее доход, а работа в «Локо кальенте» – время и силы. У нее даже возникла благородная идея читать романы вслух слепым, но есть ли вообще такая работа – или это она видела в кино? Когда будут силы, она обязательно узнает… А пока она способна только на то, чтобы сидеть за столом и уничтожать взглядом свой обед.

Химический сыр застыл и стал похож на пластик. Во внезапном приступе отвращения она оттолкнула тарелку, порылась в сумке и достала дорогой новый блокнот в кожаной обложке с пришпиленной к ней толстой перьевой ручкой. Открыв блокнот и посмотрев на чистый лист кремово-белой бумаги, она быстро начала писать.

Начос

Во всем виноваты начос.
Дымящаяся масса, вязкая, как болото,
Болото ее жизни,
Воплощение всего, что не так
В
Ее
Жизни.

«Время перемен!» – кричит голос в окне.
Там, на Кентиш-Таун-роуд,

Кто-то смеется,
Но здесь, на прокуренном чердаке,
Есть только начос.
Сыр, как ее жизнь,
Затвердел,
Стал холодным,
Как пластик,
И смех не доносится так высоко.

Эмма отложила ручку, отвернулась и устремила взор в потолок, словно давая кому-то шанс спрятаться. Потом снова взглянула на лист в надежде, что ее поразит гениальность написанного.

Но она лишь поежилась, раздосадованно застонала и, качая головой, принялась зачеркивать строчку за строчкой, пока стало не разглядеть ни единого слова. Вскоре чернила так пропитали бумагу, что та размякла. Эмма перевернула страницу, теперь запачканную кляксами, и прочла, что на ней написано.

Утро в Эдинбурге, 4 часа
Мы лежим на узкой кровати и
Говорим о будущем, гадаем.
Он говорит, а я смотрю и думаю:
«Красивый. – Какое глупое слово. —
Может быть, это то самое? То неуловимое чувство?»
Дрозды поют за окном,
Солнце греет шторы…

Она снова поежилась, точно заглянув под бинты, и захлопнула блокнот. Боже мой, «неуловимое чувство»! В ее жизни наступил поворотный момент. Она перестала верить, что можно улучшить ситуацию, сочинив о ней стихотворение.

Отложив блокнот, она взяла вчерашнюю газету и принялась за начос, неуловимые начос, удивившись в очередной раз, каким успокаивающим эффектом обладает вредная еда.

В дверях возник Иэн:

– Тот парень опять здесь.

– Какой парень?

– Приятель твой, красавчик. И с ним девчонка.

Эмма сразу поняла, о каком парне речь.

Прижавшись носом к жирному стеклу круглого окошка, она наблюдала из кухни, как они нагло развалились за центральным столиком, потягивая через соломинки цветные коктейли и смеясь над меню. Девушка была высокая, худая, с бледной кожей, подведенными черным глазами и черными-черными волосами, короткой и наверняка дорогой асимметричной стрижкой. Ее длинные ноги в сапогах выше колен обтягивали прозрачные черные легинсы. Оба были слегка пьяны и вели себя как герои попсового видеоклипа, с нарочитой развязностью, свойственной людям, когда те понимают, что на них смотрят. И Эмма представила, с каким удовольствием вышла бы в зал и плюхнула им на голову по здоровенному буррито дня.

Две большие ладони легли ей на плечи.

– Ничего себе! – Иэн присвистнул и примостил подбородок у нее на голове. – Что за штучка?

– Понятия не имею. – Эмма стерла отметину от своего носа на стекле. – За всеми не уследить.

– Значит, новенькая?

– Декстер ни на чем не способен сосредоточиться надолго. Он как младенец. Или обезьянка. Чтобы привлечь его внимание, надо помахать чем-нибудь блестящим у него перед носом. А эта девчонка, она, собственно, и есть что-то блестящее.

– Значит, по-твоему, правду говорят? Что девчонки западают на мерзавцев?

– Он не мерзавец. Он идиот.

– Значит, девчонки западают на идиотов?

Декстер заложил себе за ухо коктейльный зонтик, и этот гениальный трюк вызвал у его спутницы восторженный смех.

– Похоже на то, – ответила Эмма.

И подумала: что с ним такое? Откуда эта потребность демонстрировать у нее под носом свой шикарный новый имидж городского жителя? В ту самую минуту, как она увидела его среди пассажиров, прибывших рейсом из Таиланда, – похудевшего, загоревшего, с дурацкой маленькой татуировкой, – то сразу поняла, что между ними не может быть отношений. Он слишком много повидал, а она – слишком мало. И все же за последние девять месяцев это была уже третья его подружка, или девушка, или неизвестно кто. Декстер приводил их к ней, как собака приносит хозяину мертвого жирного голубя в зубах. Это какая-то извращенная форма мести или что? Потому что она лучше училась в колледже? Неужели он не понимает, каково ей смотреть на них, усевшихся за девятым столиком и развязно раскинувших ноги?

– Иэн, можешь их обслужить? Это твой столик.

– Он хотел тебя видеть.

Она вздохнула, вытерла руки о фартук, сняла бейсболку, чтобы выглядеть хоть чуточку менее по-идиотски, и толкнула дверь:

– Хотите узнать про наши блюда дня?

Декстер вскочил, высвободившись из длиннорукиx объятий новой девушки, и обнял старинную подругу:

– Здорово, Эм! Как жизнь? Ну, обнимемся! – С тех пор как он начал работать на телевидении, у него появилась эта мания со всеми обниматься, прямо-таки душить в объятиях. Общение с другими телеведущими не прошло даром, и теперь он говорил с ней не как со старым другом, а, скорее, как с очередной «специальной приглашенной звездой». – Эмма, это… – он положил руку на обнаженное костлявое плечо новой знакомой, так что получилось, будто они обнимаются втроем, – это Наоми. Произносится как Ной-ми…

– Привет, Ной-ми, – с улыбкой сказала Эмма.

Наоми улыбнулась в ответ, крепко зажав белоснежными зубами коктейльную соломинку.

– Посиди с нами, выпьем по «Маргарите»! – Декстер впал в пьяную сентиментальность и потянул Эмму за руку.

– Не могу, Декс. Я на работе.

– Да ладно тебе, всего на пять минут. Я хочу угостить тебя выпитым. В смысле выпивкой. Да, выпивкой.

К ним подошел Иэн с блокнотом наготове.

– Готовы сделать заказ? – дружелюбно спросил он.

Наоми наморщила носик:

– Не думаю, что мы будем что-то здесь есть!

– Декстер, ты знаком с Иэном? – поспешно произнесла Эмма.

– Нет, не знаком, – ответил Декстер.

– Вообще-то, нас знакомили уже несколько раз, – заметил Иэн, и на секунду повисла тишина.

Они стояли перед ними – официанты перед клиентами.

– Так, Иэн, принеси-ка нам две… нет, три «Маргариты» под названием «Помни Аламо», – наконец сказал Декстер и посмотрел на Эмму. – Две или три? Эм, ты с нами выпьешь?

– Декстер, я же говорю. На работе я.

– Ладно, тогда знаешь что… Тогда и мы больше не будем. Принесите счет и… э-э… – Иэн ушел, а Декстер поманил Эмму пальцем и шепотом произнес: – Слушай, а можно как-нибудь… ну, ты понимаешь…

– Что?

– Заплатить тебе за напитки.

Эмма непонимающе на него посмотрела:

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, то есть… можно оставить чаевые, ну, лично тебе?

– Чаевые? Мне?

– Ну да. Лично тебе.

– Зачем?

– Не знаю, Эм, – ответил Декс. – Просто мне и правда очень, очень хочется оставить тебе денег.

Когда Эмма услышала эти слова, ей показалось, будто маленькая частичка ее души умерла.

Декстер дремал под вечерним солнцем на Примроуз-хилл, подложив руки под голову. Его рубашка была расстегнута, а рядом грелась бутылка дешевого белого вина, с помощью которого он превращал дневное похмелье в вечернее опьянение. На сухой желтой траве холма сидели люди, «молодые профессионалы»; некоторые пришли сюда прямо из офисов. Они болтали и смеялись под звуки трех соревнующихся стереомагнитофонов, и посреди всего этого лежал Декстер и мечтал о телевидении.

Без особых сожалений он отказался от мысли стать профессиональным фотографом. Он был неплохим любителем и знал это, как и понимал, что, возможно, всегда им будет, но чтобы стать единственным в своем роде мастером, как Картье-Брессон, Капа или Брандт, необходимо приложить усилия, бороться, быть отвергнутым много раз, а Декстер сомневался, что к этому готов. С другой стороны, телевидение готово принять его прямо сейчас. И почему это раньше не пришло ему в голову? С детства в доме всегда был телевизор, но Декстеру почему-то казалось, что смотреть его вредно. Однако за последние девять месяцев телевидение вдруг стало центром его вселенной. Его словно посвятили в новую религию, и теперь он относился к телевидению с трепетом новообращенного, точно наконец обрел духовное пристанище.

И пусть он не мог похвастаться глянцевой профессией фотографа или уважением, которое вызывала профессия военного репортера, фраза «я работаю на телевидении» все равно звучала круто: за телевидением было будущее. Телевидение было демократией в действии, непосредственно затрагивало жизни людей, формировало мнения, провоцировало, развлекало и интересовало всех намного больше, чем все эти книги, которые никто не читал, или пьесы, которые никто не смотрел. Пусть Эмма ругает тори (Декстер и сам не был их фанатом, хотя больше из соображений стиля, чем принципа), но именно благодаря им телевидение задышало по-новому. До недавнего времени передачи были какие-то бесцветные, унылые, непременно посвященные важным делам: сплошные рассуждения о профсоюзах, бюрократическая скукотища, бородатые пэры, святоши и старушки-одуванчики, толкающие перед собой тележки, накрытые к чаю, – не телевидение, а филиал соцслужбы. «Редлайт продакшнз», напротив, была одной из новых молодых частных независимых телекомпаний, которые так расплодились в последнее время и стремились отгородиться от дряхлых динозавров типа Би-би-си. Телевидение было прибыльным делом, и об этом свидетельствовали просторные офисы телекомпаний –

яркие цвета, новейшее компьютерное оборудование, набитые под завязку офисные холодильники.

Карьера Декстера в мире ТВ была поистине головокружительной. Женщина с блестящими короткими волосами и в круглых очках, с которой он познакомился в индийском поезде, взяла его сначала мальчиком на побегушках, потом сделала ассистентом. А теперь он был уже помощником продюсера в UP4IT – воскресной программе, включающей выступления в прямом эфире, возмутительные комические скетчи и репортажи о том, что действительно заботит молодежь: венерические заболевания, наркотики, танцевальная музыка, наркотики, жестокость полицейских, наркотики. Декстер снимал гипердинамичные короткие ролики о мрачной жизни многоквартирных домов «рыбьим глазом», наклонив камеру под безумным углом, затем при монтаже ускорял бег облаков по небу под эйсид-хаус. Ходили слухи, что в следующей серии программ его собираются сделать ведущим. Он был мастером своего дела, летал как на крыльях; у него были все шансы наконец-то стать гордостью родителей.

«Я работаю на телевидении» – даже произносить эту фразу было приятно. Ему нравилось идти по Бервик-стрит в монтажную с большой сумкой, нагруженной видеопленками, и кивать людям, таким же, как он. Нравились суши и премьерные вечеринки, нравилось пить из кулеров, гонять курьеров и произносить фразы вроде: «Надо урезать шесть секунд». В глубине души ему нравилось и то, что на телевидении работали лишь красивые люди: здесь ценилась молодость. В этом прекрасном новом мире в конференц-залах за мозговыми штурмами не восседали шестидесятидвухлетние старперы. Что случалось с работниками телеиндустрии, когда те достигали определенного возраста? Куда они девались? Его это не беспокоило, его все устраивало: например, обилие молодых женщин вроде Наоми, жестких, амбициозных девушек из большого города. Прежде в редкие минуты сомнений Декстера охватывало беспокойство, что недостаток интеллектуальных способностей будет тормозить его в жизни, но в нынешней профессии ценились уверенность в себе, энергичность, пожалуй, даже снобизм, а этих качеств у него было хоть отбавляй. Да и на телевидении надо было быть умным, но не таким умным, как подразумевала Эмма. А «умным» в смысле соображать, что к чему, обладать интуицией и амбициями.

Он любил свою новую квартиру в соседнем районе Белсайз-Парк (темное дерево, полированный металл), любил Лондон, раскинувшийся перед ним в дымке в этот День святого Свитуна. И ему хотелось поделиться всей этой радостью с Эммой, открыть ей новые возможности, новые горизонты, представить ее новым знакомым из совсем других социальных кругов – одним словом, сделать ее жизнь более похожей на его жизнь. Как знать, может Наоми и Эмма даже подружатся!

Убаюканный этими мыслями, он почти заснул, когда на него упала чья-то тень. Открыв один глаз, он прищурился:

– Привет, красотка. – (Эмма больно пнула его в бедро.) – Ай!

– Никогда, *никогда* не делай так больше!

– Как – так?

– Ты знаешь как! Как будто я зверь в зоопарке, а ты тычешь в меня палкой и смеешься…

– Я над тобой не смеялся!

– Видела я, как ты висел на свой подружке, и вы там хихикали…

– Она не моя подружка, и мы смеялись над меню…

– Вы смеялись над моей работой.

– И что такого? Ты и сама над этим всегда прикалываешься.

– Да, потому что я там работаю. Я смеюсь из чувства противоречия, а ты просто смеялся мне в лицо!

– Эм, я бы никогда, никогда…

– Вот такое впечатление ты на меня производишь.

– Прости.

– Хорошо. – Она села рядом, скрестив ноги. – Застегни рубашку и дай мне бутылку.

– И она мне не подружка. – Он застегнул три нижние пуговицы, надеясь, что Эмма заглотит наживку, но она ничего не сказала, поэтому он пошел дальше: – Мы просто время от времени спим вместе, только и всего.

Когда стало ясно, что с романтической точки зрения им ничего не светит, Эмма начала стараться не обращать внимания на безразличие Декстера, и теперь фразы вроде той, что он только что произнес, уже были неспособны причинить ей боль, по крайней мере не больше, чем теннисный мячик, попавший в затылок. В последнее время она только морщилась, услышав подобное замечание.

– Тем лучше для вас обоих. – Она налила вино в пластиковый стаканчик. – Но если она тебе не подружка, как мне ее называть?

– Не знаю. Любовница?

– Это разве не подразумевает наличие чувств?

– Как насчет *мое очередное завоевание*? – Декстер просиял. – Или это в наше время неполиткорректно?

– Лучше *жертва.* Мне это больше нравится. – Эмма наклонилась назад и сунула руку в карман джинсов, чувствуя неловкость. – Можешь взять обратно. – Она швырнула в него скомканной десятифунтовой купюрой.

– Еще чего!

– Да, чего.

– Это твое!

– Декстер, послушай меня внимательно. Друзьям чаевые не дают.

– Это не чаевые, а подарок.

– Деньги не подарок. Хочешь купить мне что-нибудь – пожалуйста, но только не дари деньги! Это просто позор.

Он вздохнул и спрятал деньги в карман:

– Извини. Еще раз.

– Ладно, – сказала она и легла рядом с ним. – Валяй. Рассказывай об этой своей Наоми.

Он просиял и приподнялся на локтях:

– В выходные мы устраивали вечеринку…

Вечеринку, сказала она про себя. Он стал одним из тех, кто ходит на вечеринки.

– …Я и раньше видел ее в офисе, а тут решил подойти и сказать привет и все такое, добро пожаловать в команду. Потом официально так протягиваю ей руку, а она улыбается, подмигивает, а потом кладет руку мне на затылок, притягивает к себе и… – Он выдержал паузу и закончил восторженным шепотом: – Целует, прикинь?

– Целует, прикинь? – повторила Эмма, снова получив по затылку теннисным мячиком.

– И при этом сует мне что-то в рот языком. Что это? – спрашиваю я. А она подмигивает и говорит: узнаешь.

Помолчав, Эмма спросила:

– Это был орешек?

– Нет…

– Маленький орешек в шоколаде?

– Нет, это была таблетка…

– Типа «тик-така»? Потому что у тебя воняло изо рта?

– У меня не воня…

– И разве ты мне уже эту историю не рассказывал?

– Да, но то было с другой девчонкой.

Теннисные мячики теперь ударяли в голову один за другим, и, кажется, к ним присоединился футбольный. Эмма потянулась и, глядя на небо, сказала:

– Нельзя разрешать кому попало совать наркоту тебе в рот, Декстер, это негигиенично. И опасно. Однажды на месте этой таблетки может оказаться капсула с цианидом.

Декстер прыснул:

– Так ты хочешь узнать, что было дальше?

Она приложила палец к подбородку:

– Хочу ли я? Пожалуй, нет. Нет, не хочу.

Но он все равно ей рассказал, и все это она уже слышала – и про темные ВИП-залы в клубах, и про ночные звонки и предрассветные такси через весь город; бесконечный шведский стол, «съешь, сколько сможешь», – вот на что была похожа его сексуальная жизнь, и Эмма сделала над собой усилие и постаралась не слушать, а всего лишь смотреть, как двигаются его губы. Они по-прежнему были такими же замечательными, как она помнила, и будь она бесстрашной, дерзкой и асимметричной, как эта Наоми, то наверняка наклонилась бы и поцеловала его… Тут ей пришло в голову, что она никогда никого не целовала, в смысле первой. Ее, конечно, целовали, внезапно и слишком крепко, пьяные мальчишки на вечеринках, и эти поцелуи обрушивались на нее из ниоткуда, словно удар в лоб. Иэн тоже попытался поцеловать ее три недели назад, когда она подметала мясной холодильник: он так резко двинулся к ней, что ей показалось, будто он собирается боднуть ее лбом. Даже Декстер однажды ее поцеловал – много, много лет назад. Если она его поцелует, будет ли это выглядеть странным? Что, если она сделает это прямо сейчас? Возьмет инициативу в свои руки, снимет очки, положит руку ему на затылок, пока он говорит, и поцелует, поцелует его…

– …И вот Наоми звонит мне в три утра и говорит: «Садись в такси. Немедленно».

Она живо представила, как он вытирает рот тыльной частью руки, стирая поцелуй, как крем от пирога. Повернула голову и стала наблюдать за другими людьми на холме. Вечерний свет начал меркнуть, поблизости двести процветающих и привлекательных молодых профессионалов кидали фрисби, разжигали угли в переносных грилях и строили планы на вечер. И все же ей казалось, что эти люди с их захватывающими карьерами, CD-плеерами и горными велосипедами были далеко-далеко, точно все происходящее вокруг – рекламный ролик, который она смотрела по телевизору: реклама водки или маленьких спортивных машин. «Приезжай домой, дочка, – сказала ей мама вчера, – у тебя тут есть своя комната…»

Она снова повернула голову и посмотрела на Декстера, который по-прежнему рассказывал о своих похождениях, потом на молодую пару за его спиной: женщина оседлала мужчину, агрессивно целуя его, а тот покорно раскинул руки. Их пальцы были переплетены.

– …Мы не выходили из отеля три дня, прикинь?

– Извини, я давно тебя не слушаю.

– Я как раз рассказывал…

– Что, по-твоему, она в тебе нашла?

Декстер пожал плечами, точно не понял вопроса:

– Она говорит, у меня сложная натура.

– Сложная натура. Твоя натура такая же сложная, как мозаика из двух фрагментов. – Эмма села и отряхнула джинсы. – Для детей от одного до трех. – Она подняла кверху штанины. – Ты только посмотри на мои ноги. – Она поддела волосок пальцами. – У меня ноги, как у пятидесятивосьмилетней старухи, заведующей благотворительным обществом.

– Так сделай эпиляцию, хиппи.

– Декстер!

– К тому же ножки у тебя что надо. – Он потянулся и ущипнул ее за щиколотку. – Ты же у нас красотка.

Она оттолкнула его, и он повалился на траву.

– Не могу поверить, что ты назвал меня хиппи. – (Парочка за их спинами по-прежнему целовалась.) – Только посмотри на тех двоих… Не пяться! – (Декстер обернулся.) – Я их даже слышу. С такого-то расстояния. Слышишь эти чавкающие звуки? Как будто затычку из раковины вытаскивают. Говорю тебе, не пяться!

– Почему? Мы же в публичном месте.

– Зачем приходить в публичное место и вести себя так? У меня такое чувство, будто я смотрю программу о животных.

– Может, они любят друг друга.

– Так вот что такое любовь – слюнявые рты и задранная юбка?

– Иногда да.

– Она как будто пытается залезть к нему в рот головой. Еще чуть-чуть – и челюсть вывихнет.

– А она ничего.

– Декстер!

– Ну правда же.

– Знаешь, некоторым может показаться странным вот эта твоя одержимость сексом, точно ничем другим людям и не положено заниматься. В глазах некоторых это выглядит жалко и убого…

– Странно, а я вовсе не чувствую себя жалким. Или убогим.

Эмма, которая чувствовала себя и жалкой, и убогой, промолчала. Декстер слегка толкнул ее локтем:

– Знаешь, что тебе и мне надо сделать?

– Что?

Он заулыбался:

– Вместе употребить Э.

– Э? Что за Э? – Она искренне недоумевала. – Ах, ты имеешь в виду экстази? Кажется, я читала об этом в журнале. Нет, расширение сознания с помощью химии – это не мое. Я как-то крышку на банке с замазкой забыла закрыть, так мне начало казаться, что мои туфли хотят меня съесть. – К ее удовольствию, он рассмеялся над ее шуткой, и она скрыла улыбку в пластиковом стаканчике. – Короче, я предпочитаю чистый, естественный продукт, то есть алкоголь.

– Экстази избавляет от комплексов.

– Поэтому ты в последнее время со всеми обнимаешься?

– Я просто считаю, что тебе не мешает повеселиться, вот и все.

– А мне и так весело. Ты даже не представляешь, какая веселая у меня жизнь. – Лежа на спине и глядя в небо, она почувствовала, что он смотрит на нее.

– Ну и?.. Теперь твоя очередь, – произнес он тоном, который она называла психотерапевтическим. – Какие у тебя новости? Что в жизни происходит? Имею в виду – в личной.

– Ох, ты же меня знаешь. Я человек без эмоций. То есть робот. Или монахиня. Робот-монахиня.

– Неправда. Ты притворяешься такой, но не такая.

– Да я не против. Мне даже нравится идея состариться в одиночестве…

– Тебе двадцать пять, Эм…

– …стать синим чулком.

Декстер не был уверен, что знает значение этого выражения, но при слове «чулок» возбудился, как собака Павлова. Эмма продолжала говорить, а он тем временем представил ее в синих чулках, но потом решил, что синие чулки ей не пойдут (впрочем, они не пойдут никому) и что чулки должны быть черными или красными, как те, что надела как-то Наоми… после чего решил, что смысл выражения «синий чулок» от него ускользает. Эти эротические грезы

отняли у него довольно много мысленной энергии, и он задумался, а не права ли Эмма, и не слишком ли он отвлекается на сексуальные темы. Не реже раза в час он превращался в идиота, взглянув на рекламу, обложку журнала или заметив выглядывающую из-под одежды пурпурную бретельку лифчика, а летом дела обстояли еще хуже. Нормально ли это – постоянно чувствовать себя так, будто только что вышел из тюрьмы? Надо сосредоточиться. Человек, который ему отнюдь не безразличен, явно переживает что-то вроде нервного срыва, и он должен сосредоточиться на этом, а не на трех девчонках, которые брызгаются в пруду…

Сосредоточься! Сосредоточься! Он попытался не думать о сексе, но мысли двигались со скоростью улитки.

– А как же тот парень? – спросил он.

– Какой парень?

– Официант с работы. Похож на ботана из компьютерного клуба.

– Иэн? А что с ним такое?

– Почему бы тебе не начать встречаться с ним?

– Заткнись, Декстер! Я и Иэн, мы просто друзья. Дай лучше бутылку. – Она сделала глоток вина, которое нагрелось и стало похожим на сироп.

Декстер следил за ней взглядом. Хотя Декстеру не была свойственна сентиментальность, временами он мог просто тихо сидеть и смотреть, как Эмма Морли смеется или рассказывает что-нибудь, и в такие минуты он был абсолютно уверен, что она – самый прекрасный человек, которого он когда-либо знал. Иногда ему хотелось сказать это вслух, перебить ее и просто сказать об этом. Но не сегодня. Сегодня он смотрел на нее и думал, что она выглядит усталой, бледной, грустной и что, когда она смотрит вниз, у нее появляется второй подбородок. И почему она не хочет носить линзы вместо этих больших ужасных очков? Ведь она уже не студентка. И эти бархатные резинки – они ее совершенно не красят. Что ей действительно нужно, подумал он, преисполнившись сочувствия, так это чтобы кто-нибудь взялся за нее и помог ей раскрыть собственный потенциал. Перед его глазами возникла вереница кадров: вот он по-отечески одобряюще смотрит, как Эмма примеряет кучу потрясных новых нарядов. Да, ему следовало бы уделять Эмме побольше внимания, и он так и сделал бы, если бы в его жизни столько всего не происходило.

Но есть ли что-нибудь, что он может сделать прямо сейчас, чтобы вселить в нее уверенность, поднять ей настроение, чтобы она так не убивалась? У него возникла идея, и, потянувшись, он взял ее за руку и торжественно произнес:

– Знаешь, Эм, если к сорока годам ты не выйдешь замуж, я сам на тебе женюсь.

Она взглянула на него с нескрываемым отвращением:

– Это что, Декс, такое предложение руки и сердца?

– Я не про сейчас говорю, а про некий момент в будущем, когда мы оба уже будем на грани отчаяния.

– И почему ты решил, что я захочу за тебя замуж? – Эмма горько усмехнулась.

– Ну это вроде как само собой разумеется.

Она медленно покачала головой:

– Тогда тебе придется встать в очередь. Вот мой друг Иэн предложил мне то же самое, когда мы на днях обрабатывали морозильник антисептиком. Только не в сорок, а в тридцать пять.

– Без обид, но мне кажется, лишних пять лет свободы тебе не помешают.

– Да не собираюсь я замуж ни за него, ни за тебя. Я вообще никогда не выйду замуж.

– Откуда ты знаешь?

– Цыганка нагадала, – пожала она плечами.

– Наверное, тебе не позволяют политические убеждения или что-то вроде этого.

– Просто… это не для меня, только и всего. – Она поняла, что со стороны выглядит жалкой пессимисткой.

– Представляю тебя невестой. Пышное белое платье, подружки, нарядные мальчики, несущие шлейф, голубая подвязка… – *Подвязка.* Его мозг клюнул на это слово, как рыба на наживку. – Вообще-то, мне кажется, в жизни есть кое-что важнее отношений…

– Ага. Карьера, например. – Она бросила на него уничтожающий взгляд. – Извини.

Они снова повернулись к небу, которое уже совсем потемнело, и через минуту она проговорила:

– Между прочим, в моей карьере сегодня вроде как произошел скачок.

– Тебя уволили?

– Повысили. – Она улыбнулась. – Предложили работу менеджера.

Декстер резко выпрямился:

– В этой дыре? Ты должна отказаться.

– И с какой стати? Что плохого в ресторанном бизнесе?

– Эм, да работай ты хоть на добыче урана, лишь бы тебе это нравилось! Но ты же ненавидишь это место, каждую минуту, проведенную там!

– Ну и?.. Большинство людей ненавидят свою работу. Поэтому это так и называется: «работа».

– Послушай, а что, если мне удастся найти тебе место?

– Какое место? – рассмеялась она.

– У нас, в «Редлайт продакшнз»! – Ему понравилась собственная идея. – Будешь ассистентом. Поначалу придется побегать за кофе бесплатно, но я знаю, у тебя получится…

– Декстер, спасибо, конечно, но я не хочу работать в СМИ. Я знаю, что всем сегодня положено мечтать о работе в СМИ, будто это лучшая работа в мире… – *Говоришь как истеричка,* подумала она, *истеричка, которая на самом деле ему завидует.* – Я даже не понимаю, что такое эти СМИ… – *Замолчи, успокойся.* – Вы же там ничем не занимаетесь, только целыми днями пьете минералку из бутылочек, кайфуете и копируете свою задницу на ксероксе…

– Эй, не такая уж это легкая работа, Эм…

– Если бы люди относились к профессии медсестры, или, не знаю, соцработника, или учителя с таким же уважением, как к работе на *чертовом телевидении…*

– Так стань учителем! Из тебя выйдет отличный учитель…

– Я хочу, чтобы ты пообещал никогда больше не давать своим друзьям советы насчет карьеры! – Она говорила слишком громко, почти кричала, и за ее словами последовала тишина.

Почему она ведет себя так? Он же просто хочет помочь. Какая ему польза от их дружбы? Ему бы сейчас встать и уйти, она так и сделала бы на его месте. Они повернулись и одновременно взглянули друг на друга.

– Прости, – сказал он.

– Нет, это ты меня прости.

– А тебе-то за что извиняться?

– Наорала на тебя, как… сумасшедшая старая корова. Извини, я устала, у меня был неудачный день, и мне жаль, что я такая… скучная.

– Не такая уж ты и скучная.

– Нет, Декс, серьезно. Я порой сама на себя нагоняю уныние.

– Но мне с тобой не скучно. – Он взял ее руку. – И никогда не будет. Ты одна на миллион, Эм.

– Брось, я даже не одна на три.

Он слегка толкнул ее ногой:

– Эм?

– Да?

– Просто согласись со мной хоть раз, ладно? Промолчи и согласись.

Минуту они смотрели друг на друга. Потом он снова лег на траву; Эмма легла вслед за ним и слегка вздрогнула, обнаружив под плечами его руку. На секунду они оба почувствовали стеснение, а потом она перевернулась на бок и свернулась клубком рядом с ним. Он обнял ее крепче и заговорил где-то у нее над головой:

– Знаешь, чего я не могу понять? Столько людей вокруг постоянно твердят тебе, какая ты классная, умная, веселая, талантливая и прочее, твердят бесконечно – я, по крайней мере, повторяю это уже несколько лет. Так почему ты им не веришь? Почему, по-твоему, они продолжают это твердить, Эм? Или это заговор и все втайне сговорились и делают вид, что хорошо к тебе относятся?

Она прижалась лицом к плечу Декстера и поняла, что надо его остановить, иначе она расплачется.

– Ты очень славный. Но мне пора.

– Нет, побудь еще. Возьмем еще бутылку.

– Разве Наоми тебя не ждет? Наверняка у нее весь рот набит веселыми таблетками, как у маленького хомячка-торчка. – Она раздула щеки, Декстер засмеялся, и ей стало немного лучше.

Они задержались еще ненадолго, потом сходили в винный и вновь поднялись на холм, чтобы наблюдать закат над городом, пить вино и есть дорогие чипсы из большого пакета. Из зоопарка доносились странные звериные крики, и в конце концов, кроме них, на холме не осталось никого.

– Мне пора домой, – сказала она, вставая на нетвердых ногах.

– Можешь переночевать у меня.

Она представила дорогу домой: Северная линия метро, второй этаж тридцать восьмого автобуса и долгий путь пешком по опасным улицам, где всегда почему-то пахло жареным луком. Когда она зайдет в комнату, батареи будут разогреты на полную катушку и Тилли Киллик будет сидеть, прилипнув к радиатору, как геккон, в распахнутом халате, и есть песто прямо из банки. В холодильнике ее ждал сыр с отметинами от зубов, по телевизору – тупой сериал, и меньше всего на свете ей хотелось возвращаться домой.

– Возьмешь мою зубную щетку, – добавил Декстер, словно читая ее мысли. – Поспишь на диване.

Представив себя на его новеньком дизайнерском диване, обтянутом поскрипывающей черной кожей, с кружащейся от выпитого вина и растерянности головой, она решила, что в жизни ее и без того довольно сложностей. И твердо пообещала себе – в последнее время она давала себе твердые обещания почти каждый день, – что не будет больше ночевок у Декстера, не будет стихов и зря потраченного времени. Пора навести в жизни порядок. Пора начать все заново.

Глава 5
Просто друзья

Среда, 15 июля 1992 года

Острова Додеканес, Греция

А бывает, проснешься, и все идеально.

Это славное ясное утро Дня святого Свитуна застало их под бескрайними голубыми небесами без малейшей угрозы дождя на палубе парома, медленно бороздящего воды Эгейского моря. В новых солнцезащитных очках и летней одежде, они лежали рядом под утренним солнцем, отсыпаясь после вчерашней попойки в таверне. На второй день десятидневного отпуска на островах установленные правила были по-прежнему в действии.

Это было что-то вроде Женевской конвенции для «просто друзей» – свод основных запретов, составленный до отъезда с той целью, чтобы отпуск прошел без осложнений. Эмма снова была в свободном плавании: короткий и непримечательный роман со Спайком, специалистом по ремонту велосипедов, чьи пальцы постоянно пахли водоотталкивающим спреем, закончился без особых сожалений для обеих сторон, но благодаря ему у нее хотя бы повысилась самооценка. Да и велосипед ее теперь был в отличном состоянии.

Декстер, в свою очередь, перестал встречаться с Наоми, потому что отношения, по его словам, стали слишком напряженными, что бы это ни значило. После Наоми была Аврил, затем Мэри, Сара, другая Сара, Сандра и Иоланда, и вот теперь настал черед неистовой Ингрид, ныне модного стилиста, а прежде модели, которая была вынуждена покинуть подиум, потому что – об этом она сообщила Эмме с полной серьезностью – у нее слишком большая для манекенщицы грудь. Декстер при этом выглядел так, будто он вот-вот лопнет от гордости.

Ингрид была из тех не стесняющихся своей сексуальности девушек, у которых лифчик выглядывает из-под одежды. И хотя Эмма ни в коем случае не составляла для нее конкуренции, впрочем, как и остальные женщины на этой Земле, было решено, что для всех сторон будет лучше, если некоторые вещи прояснятся до того, как Эмма с Декстером наденут одежду для плавания и нагрузятся коктейлями. Было маловероятно, что между ними что-то произойдет. Окошко вероятности закрылось много лет назад, и у них давно выработался друг на друга иммунитет. Они были просто друзьями, и ничего больше. И тем не менее однажды в пятницу июньским вечером Декстер и Эмма сели на террасе паба в Хэмпстед-Хит и составили правила.

Правило номер один: разные комнаты. Что бы ни случилось, не должно быть никаких общих кроватей, двуспальных или односпальных, никаких объятий и телячьих нежностей по пьяной лавочке – они уже не дети.

– Я вообще не вижу смысла в телячьих нежностях, – заявил Декстер.

– У меня от телячьих нежностей живот болит, – заметила Эмма и добавила: – Не флиртовать. Правило номер два.

– Я никогда не флиртую, так что… – Декстер потерся ногой о ее щиколотку.

– Я серьезно: никакого баловства после пары коктейлей.

– Баловства?

– Ты знаешь, о чем я. Никаких штучек.

– Штучек… с тобой?

– Со мной, не со мной – не важно. Пусть это будет правило номер три. Не хочу сидеть кислая как лимон, пока ты там втираешь Лотте из Штутгарта масло для загара.

– Эм, этого не случится.

– Не случится. Потому что теперь это правило.

Правилом номер четыре, по настоянию Эммы, запрещалась всякая обнаженка. Никаких купаний голышом – неизменно скромный и прикрытый внешний вид. Она вовсе не собирается глазеть на Декстера в трусах, в душе или, не дай бог, в туалете. В отместку Декстер предложил правило номер пять: никаких настольных игр. Все больше и больше его друзей в последнее время увлеклись скреблом, причем играли в него с видом саркастичных умников, зарабатывая тройные очки. Однако Декстеру казалось, что эта игра придумана с одной лишь целью: заставить его мучиться от скуки, при этом чувствуя себя идиотом. Так что никакого скребла, и уж тем более пазлов, пока он жив.

И вот во второй день отпуска, не нарушив пока ни единого правила, они лежали на палубе допотопного ржавого парома, который, пыхтя, тащился с Родоса к островам Додеканес. Первый вечер они провели в Старом городе, пили сладкие коктейли, которые подавали в выскобленных ананасах, и все не могли перестать улыбаться от новизны происходящего. Паром ушел с Родоса затемно, и теперь, в девять утра, он и она тихо лежали с похмельной головой; вибрация мотора отдавалась в их вспученных булькающих животах, и они ели апельсины, молча читали, молча сгорали, абсолютно счастливые в молчаливой компании друг друга.

Декстер сломался первым, вздохнул и положил книгу на грудь – «Лолиту» Набокова, подарок от Эммы, которая самоназначилась ответственной за пляжное чтение, в результате чего целая куча книг, настоящая мобильная библиотека, заняла почти весь чемодан.

Прошла минута. Он снова многозначительно вздохнул.

– Что с тобой? – спросила Эмма, не отрываясь от «Идиота» Достоевского.

– Не могу это читать.

– Это шедевр литературы.

– У меня от него голова болит.

– Надо было взять какую-нибудь книжку с картинками.

– О, в целом мне нравится…

– «Очень голодная гусеница»[7] тебе бы подошла.

– …просто она однообразная какая-то. Какой-то чувак все время рассуждает о том, какой он озабоченный.

– А мне казалось, ты найдешь в этом что-то созвучное для себя. – Она приподняла очки. – Это очень эротичная книга, Декс.

– Разве что для любителей маленьких девочек.

– Напомни-ка, за что тебя уволили из Международной школы английского языка в Риме?

– Эм, ей было двадцать, сколько раз можно повторять!

– Тогда спи. – Она взяла свой русский роман. – Фарисей.

Он снова откинулся на рюкзак, но рядом присели двое, закрыв ему солнце. Девушка была симпатичной, хотя и дерганой, а парень был крупным, светлокожим, почти снежно-белым на утреннем солнце.

– Простите… – произнесла девчонка с деревенским акцентом.

Декстер прикрыл глаза рукой и широко улыбнулся:

– Привет.

– Вы не тот парень с телевидения?

– Возможно, – ответил Декстер, снял солнцезащитные очки и, рисуясь, тряхнул головой.

Эмма простонала.

– Как это шоу называется? *«зашибись!»*.

---

[7] *«Очень голодная гусеница»* – иллюстрированная книга для детей Эрика Карла (р. 1929), американского детского художника и писателя.

Название его шоу всегда писалось с маленькой буквы: заглавные временно вышли из моды.

Декстер поднял руку:

– Виновен!

Эмма прыснула, и Декстер одарил ее уничтожающим взглядом.

– Книжка смешная, – пояснила она, помахав томиком Достоевского.

– А я так и знала, что видела вас по телевизору! – Девушка толкнула локтем своего спутника. – Ну, что я тебе говорила?

Розовощекий смущенно поежился и что-то пробормотал. Повисла тишина. Декстер услышал пыхтение моторов и понял, что раскрытая «Лолита» по-прежнему лежит у него на груди. Он тихонько сунул книгу в сумку.

– Так вы отдыхать приехали? – спросил он.

Вопрос был риторический, зато это позволило ему вжиться в свой телевизионный имидж классного простого парня, которого ты только что встретил в баре.

– Да, – вяло сказал розовощекий.

Снова тишина.

– Моя подруга Эмма.

Эмма взглянула на них поверх очков:

– Привет.

Девушка прищурилась:

– Вы тоже работаете на телевидении?

– Я? О боже, нет! Хотя мечтаю об этом.

– Эмма работает в «Международной амнистии», – с гордостью объявил Декстер, опустив руку ей на плечо.

– По совместительству. А так я в ресторанном бизнесе.

– Она менеджер в ресторане. Но собирается уйти. С сентября Эмма будет учиться на педагога, верно, Эм?

Эмма пронзила его взглядом:

– Почему ты так странно разговариваешь?

– Как – странно? – Декстер рассмеялся, делая вид, что не понимает.

Но парень с девушкой смущенно переминались с ноги на ногу, при этом заглядывая за борт, словно раздумывали, а не спрыгнуть ли им, часом. Декстер понял, что пора заканчивать интервью.

– Значит, увидимся на пляже? Может, выпьем вместе пивка.

Ребята улыбнулись и вернулись на свои места.

Декстер никогда не стремился быть знаменитым, но ему всегда хотелось добиться успеха, а какой смысл это делать, если никто не узнает? Люди должны об этом знать. Теперь, когда к нему пришла слава, все встало на свои места, словно известность была естественным продолжением школьной популярности. Не хотел он становиться и телеведущим, – впрочем, если спросить любого телеведущего, то окажется, что никто из них этого не хотел, – но обрадовался, когда ему сказали, что у него талант. Его первое появление перед камерой было похоже на то, как если бы он впервые в жизни сел за фортепьяно и вдруг обнаружилось, что он виртуоз. Сама программа была не столь серьезной, как другие, над которыми он работал, и состояла всего лишь из нескольких живых выступлений, премьер видеоклипов и интервью со звездами. Признаться, эта работа не была сложной – от него требовалось лишь смотреть в камеру да время от времени покрикивать «Оторвемся!». Но это получалось у него так хорошо, так красиво, так впечатляюще.

Однако публичное признание было ему в новинку. Зная себя, он понимал, что обладает склонностью к тому, что Эмма называла идиотской самовлюбленностью, и потому наедине с

собой тренировался принимать правильное выражение лица. Декстеру не хотелось казаться неестественным или напыщенным, поэтому он научился делать лицо, словно говорившее собеседнику: подумаешь, телевидение – ничего такого. Именно такое выражение было у него сейчас, когда он надел очки и снова взялся за книгу.

Эмма с любопытством наблюдала за его представлением: как он старается казаться беззаботным, но при этом слегка раздувает ноздри и улыбается краешками губ. Она сдвинула очки на лоб:

– Ты же не изменишься, верно?

– Отчего?

– Оттого, что ты теперь знаменитость, хотя и малюсенькая…

– Ненавижу слово «знаменитость».

– О, а как ты предпочитаешь именоваться? Звездой?

– Как насчет легендарного Декстера?

– Предпочитаю *Декстера, который меня достал.* Точно, как насчет *Декстера, который меня достал*?

– Завязывай, а, сестренка?

– Не мог бы ты прекратить?

– Что?

– Уличный жаргон, вот что. Ты же ходил в частную школу для богатеньких мальчиков, забыл?

– А я вовсе не говорю на жаргоне.

– Говоришь, когда превращаешься в мистера Телезвезду. Как будто ты продавец с рыбного рынка, который на минутку оставил свой прилавок, чтобы снять это модное телешоу!

– А ты говоришь с йоркширским акцентом, между прочим!

– Потому что я из Йоркшира!

Декстер пожал плечами:

– Я должен использовать всякие словечки, чтобы завоевать симпатии публики.

– А как насчет моей симпатии?

– Я все понимаю, но из двух миллионов человек лишь ты одна не смотришь мое шоу.

– Ах, теперь это *твое* шоу?

– Шоу, которое я веду.

Она рассмеялась и снова уткнулась в книгу. Спустя некоторое время Декстер снова заговорил:

– А ты правда не смотришь?

– Что?

– Меня по телевизору? *«зашибись!»*?

– Ну, может, пару раз видела. Включала как фон, когда разбирала счета.

– И как тебе?

– Не в моем вкусе, Декс, – вздохнула она.

– Но скажи честно…

– Я в телевидении ничего не понимаю…

– Просто скажи, что думаешь.

– Хорошо. По-моему, посмотреть твое шоу – это все равно что час простоять под прожектором, слушая крики местного алкаша, но как я уже говорила…

– Можешь не продолжать. – Он посмотрел в книгу, потом опять на Эмму. – А я?

– Что – ты?

– Я, по-твоему, хоть чего-то стою? Как ведущий?

Она сняла очки:

– Декстер, поверь, ты лучший ведущий молодежного телевидения в нашей стране, и учти, я такими словами не бросаюсь.

Он гордо приподнялся на локте:

– Вообще-то, мне больше нравится называть себя журналистом.

Эмма улыбнулась и перевернула страницу со словами:

– Уверена в этом.

– Ведь сама посуди, это же и есть журналистика. Я готовлю программу, пишу сценарий интервью, задаю все нужные вопросы…

Она задумчиво подперла подбородок:

– О да, кажется, я видела твое аналитическое интервью с Эм-Си Хаммером. Очень остросоциальный, провокационный репортаж…

– Заткнись, Эм!..

– Нет, серьезно, то, как тебе удалось расспросить Эм-Си Хаммера о самом сокровенном: о его музыкальном творчестве и о том, где он берет такие штаны… Это было… неподражаемо.

Он замахнулся на нее книжкой:

– Заткнись и читай дальше! – Откинувшись на спину, он закрыл глаза.

Эмма взглянула на него и, увидев, что он улыбается, тоже улыбнулась.

Близился полдень, Декстер спал, а Эмма тем временем увидела издали их остров – серо-голубую гранитную массу, возникающую из самого чистого моря, какое ей когда-либо приходилось видеть. Ей всегда казалось, что такой воды не бывает, что это все обманка, существующая лишь в туристических проспектах и созданная с помощью фильтров и линз, однако сейчас перед ней было именно такое море, сверкающее на солнце и изумрудно-зеленое. На первый взгляд остров казался необитаемым, не считая десятка домиков цвета кокосового мороженого, ползущих вверх по холму от гавани. При виде всего этого она поймала себя на том, что тихо смеется. До сих пор все ее путешествия были неудачными: до шестнадцати лет каждый год она и ее сестра дрались в трейлере в городке Файли, пока их родители накачивались спиртным, глядя на дождь из окна. Это продолжалось две недели – своего рода жестокий эксперимент с целью выяснить, что будет, если поселить много человек на ограниченном пространстве. Во время учебы в университете она с Тилли Киллик ходила в походы в Кернгормские горы – шесть дней в палатке, пропахшей супами из пакетика. Она отправлялась в каждый такой поход в веселом настроении, предвкушая, что отпуск окажется настолько ужасным, что будет даже смешно, однако он оказывался просто ужасным и ничуть не смешным.

Теперь же, стоя у ограждения и глядя на четко вырисовывающиеся очертания города, Эмма начала понимать, в чем смысл путешествий: никогда еще она не чувствовала себя так далеко от прачечных-автоматов, двухэтажного автобуса, везущего ее в направлении дома, и тесной комнатушки в квартире Тилли. Тут даже воздух казался другим, причем не только на запах и на вкус – это словно была другая природная стихия. В Лондоне воздух мутный, как запущенный аквариум, в который нужно вглядываться, чтобы что-то рассмотреть. Здесь же все было ярким, отчетливым, чистым и прозрачным.

Она услышала щелчок затвора фотоаппарата и, обернувшись, увидела, что Декстер опять ее снимает.

– Я ужасно выгляжу, – машинально сказала она, хотя, возможно, это было не так.

Декстер встал у нее за спиной, взявшись за перила по обеим сторонам от ее талии:

– Красиво, правда?

– Ничего, – ответила она и не смогла вспомнить, когда чувствовала себя счастливее.

Они сошли на берег – впервые в жизни она действительно сошла на берег – и тут же окунулись в водоворот причальной суеты. Обычные путешественники и бэкпекеры пытались выторговать лучшую цену на жилье.

– А теперь что?

– Найду нам какое-нибудь жилье. Ты подожди в том кафе, а я за тобой приду.

– Только чтобы там был балкон…

– Да, мэм.

– …и вид на море. И письменный стол.

– Постараюсь. – Шлепая сандалиями, он зашагал к толпящимся на пристани туземцам.

– И не забудь! – крикнула она ему вслед.

Он обернулся и посмотрел на нее. Эмма стояла у начала волнореза, придерживая широкополую шляпу; легкий ветер дул прямо на нее, отчего четко обозначились линии ее тела под летним голубым платьем. Она больше не носила очки, а на груди у нее были веснушки, которых он раньше никогда не замечал, и розовая кожа, исчезающая под воротом платья, стала золотистой.

– Не забудь про правила, – сказала она.

– А что с ними?

– Нам нужны две комнаты. Понял?

– Конечно. Две комнаты.

Улыбнувшись, он продолжил путь. Эмма посмотрела ему вслед, затем оттащила два рюкзака вдоль волнореза к маленькому открытому кафе, где гулял ветер. Порывшись в сумке, она достала ручку и блокнот – дорогой, в тканевом переплете. Ее путевой журнал.

Открыв блокнот на первой чистой странице, она задумалась, какую бы умную мысль или наблюдение записать. Но ничего не приходило в голову, кроме слов «все хорошо». Все было хорошо, и ее переполняло новое и незнакомое чувство, что именно здесь ей положено быть.

Декстер и хозяйка стояли в центре полупустой комнаты: белые оштукатуренные стены, прохладный каменный пол и больше ничего, кроме огромной двуспальной железной кровати, маленького письменного стола со стулом и засохших цветов в горшке. Он прошел сквозь двойные двери со ставнями и очутился на большом балконе, окрашенном в цвет неба, с которого открывался вид на залив. Это было похоже на какую-то потрясающую сцену.

– Вы сколько человек? – спросила хозяйка, довольно привлекательная женщина примерно тридцати пяти лет.

– Двое.

– И сколько день?

– Точно не знаю, пять ночей, может, больше.

– Красивый комната, я думать.

Декстер сел на двуспальную кровать, задумчиво попрыгал на матрасе:

– Но мы с подругой просто… ну, просто хорошие друзья. Нам нужны две комнаты.

– О!.. О’кей. Есть два комната.

Как это он раньше не замечал эти веснушки на груди у Эммы, чуть ниже выреза на платье?

– Так есть у вас вторая комната?

– Да, конечно. Два комната.

– Есть хорошая новость и плохая.

– Валяй! – Эмма захлопнула блокнот.

– Я нашел потрясное место – с видом на море, с балконом, чуть повыше на холме. Там тихо, если тебе захочется посочинять, есть даже маленький стол, и на следующие пять дней комната свободна, даже дольше, если захотим.

– А плохая новость?

– Там только одна кровать.

– А-а…

– А-а?..

– Ясно.

– Извини.

– Правда одна? – недоверчиво спросила она. – Одна кровать на всем острове?

– Разгар сезона, Эм! Я всё обошел! – *Успокойся, не визжи*, сказал он себе. *Может, попробовать надавить на жалость?* – Но если ты так хочешь, я пойду еще поищу… – С усталым видом он поднялся со стула.

Она взяла его за руку:

– Кровать большая или маленькая?

Кажется, она поверила. Он снова сел:

– Двуспальная. Большая.

– Что ж, надеюсь, она действительно огромная. Чтобы все было в соответствии с нашими правилами.

– Ну, – Декстер пожал плечами, – мне больше нравится воспринимать их как *рекомендации.* – (Эмма нахмурилась.) – Я хотел сказать, Эм, что если ты не против, то и я тоже.

– Нет, то, что ты не против, это понятно…

– Но ты уверена, что сможешь удержаться и не приставать ко мне…

– О, я-то смогу, вот насчет тебя не знаю…

– Потому что клянусь, если ты меня хоть пальцем тронешь…

Эмма сразу влюбилась в комнату. Стоя на балконе, слушала цикад, стрекот которых был знаком ей только по фильмам. Если честно, она даже думала, что цикады – не более чем экзотическая выдумка. А какой восторг у нее вызвали лимоны в саду – настоящие лимоны, на деревьях! Их как будто приклеили к веткам. Не желая показаться деревенской дурочкой, она ничего из этого вслух не произнесла и лишь сказала: «Отлично. Берем». И пока Декстер договаривался с хозяйкой, проскользнула в ванную, где продолжила свою битву с контактными линзами.

В университете у Эммы было твердое собственное убеждение по поводу нарциссизма носящих контактные линзы людей: линзы, по ее мнению, способствовали укреплению идеализированных представлений о женской красоте. Массивные, недорогие и практичные очки, полученные бесплатно по медицинскому полису, свидетельствовали о том, что ее не интересуют всякие глупости вроде внешней привлекательности, так как ее голова занята более возвышенными материями. Но спустя годы после окончания колледжа эта цепь рассуждений стала казаться ей столь оторванной от реальности и лицемерной, что в конце концов она поддалась на уговоры Декстера и купила себе линзы, наконец осознав, что все эти годы избегала лишь одного – того момента из кино, когда библиотекарша снимает очки и встряхивает волосами: «Мисс Морли, да вы красавица!»

Теперь лицо в зеркале казалось ей чужим, голым, открытым, точно она только что сняла очки, которые носила непрерывно в течение девяти месяцев. Ее беспокоило, что от линз у нее начался тик, нервное моргание, которое возникало непроизвольно. Кроме того, они липли к пальцам и лицу, как рыбья чешуя, или, как сейчас, заползали за глазное яблоко, исчезая где-то в глубине глазных впадин. После долгого кривляния и манипуляций, по ощущениям похожих на хирургические, она наконец извлекла линзы и вышла из ванной с красными слезящимися глазами и часто моргая.

Декстер сидел на кровати; рубашка его была расстегнута.

– Эм? Ты что, плачешь?

– Нет. Но погоди, еще буду.

Они вышли в душный полуденный зной, отыскивая путь к длинному полумесяцу белого песка, протянувшемуся в миле от поселка. Настала пора продемонстрировать, в чем они будут купаться. Эмма долго (пожалуй, даже слишком долго) раздумывала над тем, какой купальник

выбрать, и в итоге купила простой цельный черный купальник, которому вполне бы подошло определение «викторианский». Снимая платье через голову, она подумала: а не покажется ли Декстеру, что она струсила, не надев бикини, ведь цельный купальник – вещь из той же категории, что очки, удобная обувь и велосипедные шлемы – что-то практичное, невызывающее и совсем не женственное. Не то чтобы его мнение ее сильно беспокоило, хотя ей и стало любопытно, когда она стягивала платье, не смотрит ли он в ее сторону. Как бы то ни было, Эмма не без удовольствия заметила, что сам он надел длинные плавки-шорты. А то ей точно было бы не вынести целую неделю в компании Декстера и его обтягивающих плавок из лайкры.

– Извините, вы, случаем, не девушка из Ипанемы?[8]

– Нет, я ее тетушка. – Она села и стала намазывать ноги солнцезащитным кремом, стараясь, чтобы жирок на бедрах при этом не трясся.

– Это еще что? – спросил он.

– Крем с фактором тридцать.

– Могла бы просто накрыться одеялом.

– Не хочу сгореть во второй день.

– Похоже на краску для забора.

– Я к солнцу не привыкла. Не то что ты, путешественничек. Поделиться?

– У меня аллергия на солнцезащитный крем.

– Декстер, какой же ты противный!

Он улыбнулся и продолжил наблюдать за ней через темные очки. Когда она поднимала руку, ее грудь под черной тканью купальника тоже приподнималась и над эластичной полоской выреза появлялся валик бледной мягкой плоти. Было в ее жесте, в том, как она наклоняла голову и убирала волосы, намазывала шею кремом, что-то, из-за чего он почувствовал приятное головокружение – верный спутник сексуального влечения. Боже, подумал он, еще восемь дней рядом с ней! Купальник был с открытой до поясницы спиной.

– Давай помажу спинку, – предложил он. – Ты же не хочешь обгореть.

Такой старый и банальный заход, как «давай помажу спинку», был ниже его достоинства, поэтому он решил преподнести это как заботу о ее здоровье.

– Давай. – Эмма подвинулась и села между его ног, поджав свои ноги и склонив голову на колени. Декстер начал наносить крем; лицо его было так близко, что она чувствовала его дыхание на шее, а он ощущал исходившее от Эммы тепло. При этом оба очень старались делать вид, что ничего сверхъестественного не происходит и все это никак не является вопиющим нарушением правил номер два и номер четыре, предписывающих не флиртовать и не оголяться.

– Глубокий вырез, – проговорил он, проводя кончиками пальцев по ее пояснице.

– Хорошо, что я не надела его задом наперед! – отшутилась она.

Последовала минута тишины, в течение которой оба думали об одном: боже, что же я делаю, боже, что же я делаю!

Желая разрядить обстановку, она положила руку на его щиколотку и подвинула его ногу к себе:

– Что это?

– Татуировка. Из Индии.

Она потерла рисунок большим пальцем, будто пытаясь стереть.

– Побледнела немного, – прибавил он. – Это инь и ян…

– А похоже на дорожный знак.

– Это идеальный союз противоположностей.

– А по-моему, запрет на превышение скорости. Носи лучше носки.

---

[8] «*Девушка из Ипанемы*» – одна из самых известных композиций в ритме босанова.

Он рассмеялся и положил ладони ей на спину, поместив большие пальцы в ямочки под лопатками. Секунду они сидели неподвижно.

– Ну вот, – бодро произнес он, – защитный костюм готов. Ну что? Купаться?

Так прошел долгий жаркий день. Они плавали, дремали и читали, а когда спала жара и на пляже появилось больше людей, вдруг заметили, что что-то не так. Декстер был первым.

– Это мне кажется или…

– Что?

– Все на пляже голые!

Эмма огляделась:

– О да. – И снова уткнулась в книгу. – Декстер, будешь так таращиться, глаза выпадут.

– Я не таращусь, а наблюдаю. Я, между прочим, по образованию антрополог, забыла?

– И по антропологии у тебя была тройка с минусом, верно?

– Двойка с плюсом. Смотри, вон наши друзья.

– Какие друзья?

– С парома. Вон там. Они устроили барбекю.

В двадцати метрах от них над дымящимся алюминиевым противнем сидел голый бледный мужчина, точно хотел согреться, а девушка стояла на цыпочках и махала им рукой: два белых треугольничка, один черный.

Декстер радостно замахал в ответ:

– А вы голые!

Эмма отвернулась:

– Я так не могу.

– Что?

– Жарить мясо голышом.

– Эм, ты такая консервативная.

– Дело не в консервативности. Я забочусь о своем здоровье, пищевой безопасности и гигиене питания.

– А я бы устроил голое барбекю…

– В этом и разница между нами. Декс, ты такая порочная, сложная натура.

– Может, подойдем поздороваться?

– Только не это!

– Просто поболтать…

– Держа в одной руке куриную ножку, а в другой – его сардельку? Нет уж, спасибо. К тому же разве это не нарушение нудистского этикета?

– Что?

– Разговаривать с голыми, когда сам в одежде.

– Не знаю, а есть такое правило?

– Читай книжку, ладно?

Она повернулась лицом к деревьям, но за годы знакомства с Декстером так хорошо его изучила, что буквально слышала, как в его голове возникают мысли, будто то были камушки, плюхающиеся в грязь. Вот и сейчас…

– И что ты думаешь?

– По поводу чего?

– Стоит ли нам это сделать?

– Что?

– Раздеться?

– Нет, Декстер, нам не стоит раздеваться!

– Но вокруг одни голые!

– Это не причина! А потом, как же правило номер четыре?

– Не правило, а рекомендация.

– Нет, правило!

– Ну и что? Можно его как-нибудь обойти.

– Если его обойти, это будет уже не правило.

Он надулся и грузно сел на песок:

– Просто мне кажется, это невежливо…

– Ладно, ты иди, а я постараюсь на вас не пялиться.

– Какой смысл идти одному, – обиженно пробурчал он.

Она легла на спину:

– Декстер, с какой стати тебе так не терпится увидеть меня голой?

– Я просто подумал, что без одежды мы сможем лучше расслабиться.

– Не-ве-ро-ят-но, просто невероятно…

– То есть ты не будешь чувствовать себя более комфортно?

– НЕТ!

– Но почему?

– Какая разница почему? И тебе не кажется, что твоей подруге это не очень понравится?

– Ингрид плевать. У нее очень свободные взгляды. Один раз она позировала без лифчика для рекламы в аэропорту…

– Боюсь тебя разочаровать, Декстер…

– Ты меня не разочаруешь…

– Но есть большая разница…

– И в чем же она?

– Во-первых, Ингрид была моделью…

– Ну и что? Ты тоже смогла бы так.

– Декстер, ты и в самом деле так считаешь? – громко рассмеялась Эмма.

– Ну, для каталогов, по крайней мере. Фигурка у тебя симпатичная.

– Фигурка симпатичная… Боже, помоги мне!..

– Я совершенно объективно говорю: ты очень привлекательная женщина…

– Которая не станет раздеваться! Если тебе так не терпится загореть без полосок, вперед, валяй. А теперь, может, сменим тему?

Он отвернулся и лег на живот рядом с ней, опустив голову на руки. Их локти соприкасались, и она снова слышала его мысли. Он слегка толкнул ее:

– Можно подумать, я там чего-то не видел.

Она медленно отложила книгу в сторону, сдвинула очки на лоб и наклонила голову набок, став его зеркальным отражением:

– Пардон?

– Я сказал, можно подумать, мы там чего-то не видели. Мы же видели друг друга голыми. – (Она округлила глаза.) – В ту ночь, помнишь? После выпускного? Наша единственная ночь любви?

– Декстер!

– Я просто хочу сказать, что никто уже не удивится размерам…

– Меня сейчас стошнит.

– Ну, ты понимаешь, о чем я…

– Это было так давно!

– Не так уж давно. Если я сейчас закрою глаза, то живо смогу представить…

– Не надо.

– Да, вот ты… у меня перед глазами.

– Прекрати!

– Ага, вижу тебя как наяву…

– Было темно.

– Не так уж и темно.

– Я была пьяна…

– А, все вы так говорите.

– *Все?* Кто это все?

– И не такая уж и пьяная ты была.

– Ну я была достаточно пьяна, чтобы опуститься до такого. Кроме того, насколько я помню, ничего не было.

– Ну я бы не сказал, что совсем ничего, если я правильно припоминаю…

– Я была молодой, глупой… и вообще, ничего не помню. Моя память отключилась, как после травмы.

– А моя не отключилась. И если я закрою глаза, то смогу прямо сейчас тебя увидеть – твой силуэт в утреннем свете, твой дунгари[9], соблазнительно брошенный поверх покрывала из «Икеи»… – (Она больно ударила его книжкой по носу.) – Эй!

– Послушай, я не буду раздеваться, понял? И не было на мне никакого дунгари, я в жизни его не носила. – Она снова раскрыла книгу и тихо захихикала себе под нос.

– Что смешного? – спросил он.

– Соблазнительно брошенный дунгари. – Она рассмеялась и с нежностью на него посмотрела. – Ты иногда так меня смешишь.

– Правда?

– Бывает. Тебе бы на телевидении выступать.

Он довольно улыбнулся и закрыл глаза. Образ Эммы той ночью действительно стоял у него перед глазами: вот она лежит на узкой кровати, голая, не считая юбки; руки подняты над головой, и он с ней целуется. С такими мыслями он и уснул.

К вечеру они вернулись в комнату – уставшие, липкие от пота, с обожженной солнцем кожей – и, войдя, сразу посмотрели на кровать. Обогнули ее и вышли на балкон, откуда открывался вид на море, которое подергивалось дымкой по мере того, как голубое небо приобретало сумеречную розовую окраску.

– Ну, кто первый в душ?

– Иди ты. А я посижу и почитаю.

Она опустилась в старый шезлонг в вечерней тени, слушая звуки льющейся воды и пытаясь сосредоточиться на крошечном шрифте русского романа; с каждой новой страницей ей казалось, что буквы становятся все мельче. Внезапно она встала и подошла к маленькому холодильнику, который они наполнили бутылками с водой и пивом; достала банку и в этот момент заметила, что дверь ванной распахнута настежь.

В душе не было занавески, и Эмма увидела Декстера. Он стоял боком под струей холодной воды, закрыв глаза от бившей в лицо воды, откинув назад голову и подняв руки. Она видела впадины под его лопатками, длинную загорелую спину, две ямочки у основания позвоночника над маленькими белыми ягодицами. Но боже, он поворачивается… банка выскользнула у нее из рук, ударилась об пол и с шипением полетела в сторону, как реактивный снаряд. Она накрыла ее полотенцем, точно хотела поймать мышь, затем подняла глаза и увидела Декстера, своего «просто друга». Он был голый, не считая свертка из одежды, которым небрежно прикрылся спереди.

– Банка выскользнула! – поспешно сказала она вслух, вытирая пивную пену полотенцем, и подумала: еще восемь дней такой жизни, и я сама взорвусь.

---

[9] *Дунгари* – это комбинезон из плотной хлопчатобумажной ткани с нагрудником и лямками.

Потом настал ее черед идти в душ. Она закрыла дверь, вымыла пропахшие пивом руки и, испытывая неудобство, принялась раздеваться в тесной запотевшей ванной, где все еще витал аромат его лосьона. Правило номер четыре гласило, что Декстер должен выйти на балкон и стоять там, пока она вытирается и одевается. Но, проведя небольшой эксперимент, он выяснил, что если не снимать очки и чуть повернуть голову, то можно увидеть ее отражение в стеклянной двери и наблюдать, как она натирает лосьоном подрумянившуюся шею. Вот Эмма наклонилась, надевая трусики. Он смотрел на плавный изгиб ее спины и арку между лопатками, когда она застегивала лифчик, на поднятые руки и голубое летнее платье, закрывшее ее тело, как занавес.

Она вышла на балкон.

– Может, останемся здесь? – предложил он. – Чем ездить по островам, зависнем здесь на неделю, потом вернемся на Родос и оттуда полетим домой.

– Хорошо, – улыбнулась она. – Можно и так.

– Тебе не надоест?

– Не думаю.

– Ты довольна?

– Ну, щеки у меня, как жареные помидоры, но в остальном…

– Дай посмотреть.

Она закрыла глаза, повернулась к нему и вскинула голову; ее волосы все еще были влажными, она зачесала их назад, открыв блестящее чистое лицо. Это была Эмма, но какая-то другая. Она вся сияла, и ему на ум пришло выражение «поцелованная солнцем», а потом он подумал: поцелуй ее, возьми ее лицо в ладони и поцелуй.

Вдруг она открыла глаза:

– И что будем делать?

– Что хочешь.

– Сыграем в скребл?

– Не забывай о правилах.

– Ладно, тогда давай поужинаем. Должен же у них быть греческий салат.

Рестораны в маленьком поселке были примечательны лишь своей одинаковостью. В воздухе висел дым от жареной баранины, и они сели в тихом месте в конце набережной, где начинался полумесяц пляжа, и стали пить вино с хвойным вкусом.

– Новогодняя елка, – сказал Декстер.

– Хм… Скорее, освежитель воздуха, – заметила Эмма.

Из акустических колонок, замаскированных пластиковой виноградной лозой, доносилась музыка – «Get into the Groove» Мадонны, сыгранная на цитре. Они ели черствый хлеб и подгоревшую баранину, салат, приправленный едким уксусом, но все это казалось вкусным. Спустя некоторое время даже вино показалось сносным, похожим на жидкость для полоскания рта с любопытным вкусом, и вскоре Эмма почувствовала себя готовой нарушить правило номер два. Обязывающее не флиртовать.

Признаться, флиртовать она никогда не умела. Ее потуги изобразить сексуальную кошечку выглядели неуместно и неуклюже, словно она пыталась вести обычный разговор на роликах. Но солнце с добавлением рецины[10] вскружило ей голову и сделало сентиментальной. Эмма встала на ролики:

– У меня идея.

– Выкладывай.

– Если мы пробудем здесь восемь дней, у нас совсем не останется тем для разговора, верно?

– Необязательно.

---

[10] *Рецина* – греческое смоляное белое вино.

– Но чтобы уж точно этого избежать, – она наклонилась и положила ладонь ему на запястье, – мне кажется, каждый должен рассказать другому то, что тот, другой, о нем не знает.

– Секрет?

– Именно секрет – что-нибудь необычное. И мы будем делать это каждый вечер весь отпуск.

– Вроде игры в бутылочку, что ли? – Декстер оживился. Он считал себя игроком в бутылочку мирового класса. – О'кей. Ты первая.

– Нет, ты.

– Почему я?

– У тебя больше секретов.

И верно, его запас таких историй был безграничен. Например, он мог бы признаться, что наблюдал за ней, когда она одевалась вечером, или что открыл дверь ванной нарочно, когда принимал душ. Что курил крэк с Наоми, что перед Рождеством торопливо и безрадостно перепихнулся с соседкой Эммы Тилли Киллик – все началось с массажа ног, который, к его ужасу, перерос в нечто большее, пока Эмма ходила в магазин за елочной гирляндой. Хотя, пожалуй, лучше выбрать историю, рассказывая которую он не будет выглядеть ограниченным и озабоченным самовлюбленным вруном.

Декстер задумался.

– Ладно, – откашлявшись, сказал он. – Пару недель назад в клубе я познакомился с парнем.

Эмма раскрыла рот.

– С парнем? – Она рассмеялась. – Снимаю шляпу, Декс, ты воистину полон сюрпризов.

– Ничего не было, мы просто поцеловались, да и я был пьян…

– Все вы так говорите. Так расскажи, что случилось?

– Ну, дело было на гей-вечеринке под названием «Противные» в клубе «Язычок» в Вокс-холле…

– «Противные» в клубе «Язычок»! И куда делись дискотеки с названиями «Рокси» или «Манхэттен»?

– Это не дискотека, а гей-клуб.

– Но что ты делал в гей-клубе?

– Мы всегда туда ходим. Там музыка лучше. Более тяжелая, а не этот дерьмовый веселенький хаус…

– Ты просто чокнутый…

– Так вот, я был там с Ингрид и ее приятелями, танцевал, а этот парень просто подошел ко мне и начал целовать, а я… я просто взял и ответил.

– И тебе…

– Что?

– Понравилось?

– Ну так, ничего. Обычный поцелуй. Губы как губы, понимаешь?

Эмма громко рассмеялась:

– Декстер, в тебе живет поэт. *Губы как губы.* Какая прелесть! Это разве не из «As Time Goes By» Синатры?

– Ты понимаешь, что я имею в виду.

– Губы как губы, – повторила она. – Самая подходящая надпись для твоего надгробия… И как отреагировала Ингрид?

– Просто рассмеялась, и все. Да она не против, ей даже понравилось. – Он безразлично пожал плечами. – Все равно она бисексуалка и…

Эмма закатила глаза:

– Разумеется, она бисексуалка, иначе и быть не может.

Декстер улыбнулся, точно бисексуальность Ингрид была его идеей:

– Эй, да что в этом такого? В нашем возрасте принято экспериментировать с сексуальностью.

– Правда? А мне никто ничего такого не говорил.

– Ты отстала от времени.

– Ну, как-то раз я связалась с современным парнем вроде тебя, и смотри, куда меня это привело.

– Тебе надо раскрепоститься, Эм. Избавиться от комплексов.

– Ох, Декс, ты у нас прямо секс-эксперт. А во что был одет твой друг в «Шаловливом язычке»?

– Не *шаловливом,* а просто «Язычке». На нем были портупея и кожаные гетры. Оказалось, его зовут Стюарт, и он работает инженером в «Бритиш телеком».

– И как думаешь, ты со Стюартом еще увидишься?

– Только если телефон сломается. Он не в моем вкусе.

– А я думала, все в твоем вкусе.

– Это всего лишь интересный случай. Что смешного?

– Просто у тебя такой довольный вид…

– Ничего подобного! Гомоненавистница! – Он устремил взор поверх ее плеча.

– Эй, ты что, заигрываешь с официантом?

– Хотел заказать еще выпивку. Теперь твоя очередь. Рассказывай секрет.

– Я сдаюсь. Мне ни за что тебя не переплюнуть.

– Что, ни разу не пробовала с девушкой?

Она безнадежно покачала головой:

– Знаешь, Декс, однажды с такими разговорчиками ты наткнешься на настоящую лесбиянку, и она сломает тебе челюсть.

– Так тебя никогда не привлекали…

– Не будь идиотом, Декс! Так ты хочешь узнать мой секрет или нет?

Официант принес греческого бренди – за счет заведения, потому что за такую бормотуху никто никогда не стал бы платить. Эмма сделала глоток и поморщилась, затем подперла рукой щеку, как свойственно всем, кто пьяно откровенничает.

– Секрет… Дай-ка подумать. – Она постучала пальцем по подбородку.

Она могла бы признаться, что подглядывала за ним в душе и знала все, что он устроил вместе с Тилли Киллик на Рождество, про тот массаж ног, который, к его ужасу, перерос в нечто большее. Могла бы даже признаться, что в 1983 году поцеловала Полли Доусон в своей спальне, но понимала, что он будет припоминать ей это до конца жизни. Кроме того, она с самого начала знала, что он скажет. Зазвучала мелодия очередной песни Мадонны «Like a Prayer», исполненная на цитре, а Эмма облизнула губы, сделала томный взгляд и предприняла еще несколько незаметных усилий, в результате чего лицо ее приняло, как ей казалось, самое удачное выражение – такое, как она делала во время фотосъемки.

– Когда мы только познакомились в университете, еще до того, как стали… ну, знаешь, друзьями, я вроде как была в тебя влюблена. И это был не просто интерес, а настоящая любовь, между прочим. Это длилось очень долго. Я даже писала тебе глупые стихи и все такое.

– Стихи? Серьезно?

– Самой стыдно.

– Ясно. Ясно. – Он скрестил руки на груди, облокотился на край стола и опустил глаза. – Извини, Эм, но этот твой рассказ не засчитывается.

– Почему?

– Потому что ты сама сказала: каждый должен рассказать о себе то, чего другой не знает. – Он улыбался, и она в который раз убедилась в том, что его способность выводить ее из себя поистине уникальна.

– Ты ужасен! – Она слегка шлепнула его по щеке в том месте, где кожа сильнее всего обгорела.

– Ай!

– Как ты узнал?

– Я… Мне Тилли рассказала.

– Спасибо Тилли.

– Так что было потом?

Она опустила глаза, смотря на дно стакана:

– Наверное, само прошло. Как лишай.

– Нет, правда, что случилось?

– Я узнала тебя поближе. Ты вылечил меня от себя.

– Хотел бы я почитать те стихи. Какая рифма к слову «Декстер»?

– «Кретин». Я пишу белым стихом.

– Нет, правда, где те стихи?

– Уничтожены. Я сожгла их много лет назад. – Чувствуя себя обманутой дурочкой, она осушила стакан. – Слишком много бренди. Пора идти.

Она начала оглядываться в поисках официанта, и Декстер тоже почувствовал себя дураком. Он так много мог ей сказать, но почему же снова поступил как самодовольный клоун, неспособный говорить от чистого сердца? Стремясь загладить свою вину, он коснулся ее руки:

– Может, пойдем прогуляемся?

Она не была уверена, что хочет этого, но, помолчав, сказала:

– Хорошо. Пойдем.

Они вышли из таверны и двинулись вдоль залива, мимо недостроенных домов маленького городка, раскинувшегося на побережье, нового туристического комплекса, который они, разумеется, отругали, как и следовало, и, пока они разговаривали, Эмма дала себе обещание в будущем быть более сдержанной. Бесшабашность и спонтанность ей не шли, и у нее плохо получалось быть такой, а результат всегда оказывался отличным от того, на который она рассчитывала. Признавшись во всем Декстеру, она словно со всей силы ударила по мячу, после чего ей только и осталось, что смотреть, как он летит по воздуху, чтобы несколько секунд спустя услышать звук разбившегося стекла. Она решила, что остаток отпуска будет вести себя взвешенно, не напиваться и помнить о правилах. Помнить об Ингрид, красивой, незакомплексованной, бисексуальной Ингрид, которая ждет Декстера в Лондоне. Никаких больше компрометирующих признаний. Но память о дурацком разговоре не давала ей покоя, волочилась следом, как кусок туалетной бумаги, налипшей на каблук.

Город остался позади, и Декстер взял ее за руку; пошатываясь, они спотыкались о сухие дюны, все еще теплые от дневного солнца. Они пошли к морю, где песок был мокрым и спрессованным, и Эмма заметила, что он все еще держит ее за руку.

– Куда мы идем? – спросила она, заметив, что язык заплетается от выпитого.

– Я лично иду купаться. Хочешь?

– Ты с ума сошел!

– Пойдем!

– Я утону.

– Не утонешь. Смотри, какая красота.

Море было очень спокойным и прозрачным, как чудо-аквариум с нефритовой водой, вспыхивающей флуоресцентными бликами; стоило зачерпнуть воду рукой, и она сияла в ладони. Декстер уже стянул рубашку через голову:

– Пойдем. Мы сразу протрезвеем.

– Но я не взяла купаль… – И тут она догадалась. – О, я поняла, – рассмеялась она, – теперь я вижу, что происходит…

– Что?

– Я сама напросилась, правда?

– О чем ты говоришь?

– Старая как мир уловка с купанием голышом. Надо напоить девушку, а потом пойти к ближайшему водоему…

– Эмма, ты такая святоша! Как можно быть такой святошей?

– Купайся, я здесь подожду.

– Ладно, но ты еще пожалеешь. – Он повернулся к ней спиной и снял брюки, затем трусы.

– Трусы можешь не снимать! – крикнула она ему вслед, глядя, как его длинная загорелая спина и белые ягодицы удаляются в сторону моря. – Тут тебе не клуб «Язычок», знаешь ли!

Он нырнул в волны лицом вниз, а она встала, пьяно качаясь и чувствуя себя брошенной и глупой. Ведь в глубине души ей как раз хотелось испытать нечто подобное. Почему она не может быть более раскованной, более беспечной? Если она боится даже плавать без купальника, как тогда ей набраться храбрости и сказать мужчине, что она хочет его поцеловать? Не додумав мысль, Эмма наклонилась, взялась за подол и одним движением стянула платье через голову. Сняла трусики, отбросила их ногой, оставив лежать там, где упали, и, смеясь и чертыхаясь про себя, побежала к кромке воды.

Стоя на цыпочках так далеко, насколько позволял рост, Декстер протер глаза, посмотрел в сторону берега и подумал, что будет дальше. Угрызения совести – он чувствовал, как они подступают. Кажется, назревает *ситуация,* а разве он не пообещал себе избегать на время ситуаций и стать менее беспечным, менее спонтанным? Как-никак это же Эмма Морли, его драгоценная Эмма, вероятно, его лучший во всем мире друг. И как же Ингрид, которую он с приятелями тайком называл Ингрид Ужасной? Вдруг он услышал восторженный возглас, повернул голову на звук и мельком увидел голую Эмму, нырнувшую в воду так, будто ее толкнули сзади. Честность и искренность – вот чем он должен руководствоваться. Эмма поплыла к нему, неуклюже орудуя руками и ногами, и он решил для разнообразия хоть раз быть честным и откровенным и посмотреть, к чему это приведет.

Запыхавшаяся Эмма приблизилась к нему. Заметив в этот момент, что море абсолютно прозрачно, она попыталась плыть, прикрывая грудь одной рукой.

– Так вот как это, оказывается!

– Что?

– Купаться голышом!

– Ага. Ну и как тебе?

– Вроде ничего. Очень весело. И что теперь делать – дурачиться и брызгаться, или как? – Она сложила ладони домиком и слегка обрызгала его. – Я все делаю правильно? – Прежде чем он успел брызнуть в ответ, течение подхватило ее и толкнуло ему навстречу. Упершись ногами в морское дно, он поймал ее, и их ноги сплелись, как пальцы в замке, а тела соприкоснулись и снова отстранились, как в танце.

– Какое у тебя сосредоточенное лицо, – сказала она, чтобы нарушить тишину. – Эй, ты же не писаешь в воду?

– Нет.

– Так в чем же дело?

– Я просто хотел… извиниться. За то, что сказал тогда…

– Когда?

– Там, в ресторане, за то, что вел себя как дурак.

– Ничего. Я уже привыкла.

– И еще я хотел сказать, что чувствовал то же самое. Тогда, в университете. Ты тоже мне нравилась, в романтическом плане, я имею в виду. Нет, я, конечно, не писал стишков, ничего такого, но думал о тебе, и сейчас думаю… о тебе и себе. Ты мне нравишься.

– Правда? О!.. Правда? Хм… М-да… Хм… – Значит, все-таки это случится, подумала она, прямо здесь, сейчас, в Эгейском море, где они оба стоят голыми.

– Проблема в том, – он вздохнул и улыбнулся уголками губ, – понимаешь ли, что мне нравятся почти все!

– Понятно, – только и могла она сказать.

– Все, даже когда я иду по улице, как ты и сказала, все в моем вкусе. Это просто кошмар!

– Бедняжка, – безжизненным голосом произнесла она.

– Я просто хочу сказать, что тогда был не готов – да и сейчас не готов – ко всей этой канители: ты моя девушка, я твой парень… Мне кажется, мы хотим разного. От отношений.

– Потому что… ты голубой?

– Эм, я, между прочим, серьезно с тобой разговариваю.

– Неужели? Я уже и не пойму.

– Ты злишься?

– Нет! Мне все равно! Я же сказала, это было давно.

– И все же, – его ладони под водой легли на ее талию, – если ты хотела развлечься…

– Развлечься?

– Нарушить правила…

– Ты имеешь в виду игру в скребл?

– Ты знаешь, что я имею в виду. Небольшое развлечение, пока мы здесь, – без обязательств, без последствий, и ни слова Ингрид. Это будет нашим маленьким секретом. Я не против. Вот, пожалуй, и все.

У нее из горла вырвался звук – что-то среднее между смехом и стоном. *Я не против.* Декстер заискивающе улыбался, как продавец пластиковых окон, предлагающий выгодную скидку. *Это будет нашим маленьким секретом.* Эмма вспомнила его фразу: «Губы как губы». В этой ситуации она могла сделать лишь одно. Забыв о собственной наготе, она подпрыгнула и, надавив всем своим весом, потопила его голову, удерживая ее под водой. Начала медленно считать. Раз, два, три…

Высокомерный, самодовольный ублюдок…

Четыре, пять, шесть…

Дура, какая же я дура, что любила его и думала, что ему не все равно…

Семь, восемь, девять…

Он начал барахтаться, наверное, лучше его отпустить и обратить все в шутку, притвориться, что пошутила…

Десять… Она убрала руки и позволила ему всплыть. Он смеялся, тряс головой, протирал глаза, и она засмеялась тоже: неестественное ха-ха-ха.

– Полагаю, это твой способ сказать «нет», – наконец проговорил он, высморкавшись соленой водой.

– Пожалуй. Тебе не кажется, что у нас был шанс, но мы его давно упустили?

– Да. Пожалуй. Ты уверена? А то мне кажется, нам обоим станет намного лучше, если мы раз и навсегда уберем это препятствие с пути.

– Препятствие?

– По-моему, это еще больше нас сблизит. Как друзей.

– Ты волнуешься, что, если мы *не* переспим, это испортит нашу дружбу?

– Наверное, я не так выразился.

– Декстер, я прекрасно тебя поняла, в этом и проблема.

– Если тебя пугает Ингрид…

– Она меня вовсе не пугает, я просто не собираюсь делать это лишь для того, чтобы потом была возможность сказать: мы это сделали! А также для того, чтобы услышать от тебя фразу «пожалуйста, не говори никому» или «давай забудем о том, что произошло». Чем хранить маленькие секреты, не лучше ли вообще без них обойтись?

Но он смотрел мимо нее, прищурив глаза. Смотрел в сторону пляжа, и когда она повернулась, то увидела маленькую и тощую фигурку, несущуюся по песку во всю прыть. Воришка держал рубашку и брюки над головой, и те развевались, как победный флаг.

– О нет!!!

Декстер поплыл к берегу, крича и хлебая воду, потом побежал, комично вскидывая колени, пытаясь догнать мальчишку, укравшего его одежду.

Когда он наконец вернулся к Эмме, запыхавшийся и злой, та сидела на пляже одетая и абсолютно трезвая.

– Не догнал?

– Нет! Все пропало! – сказал он с досадой. – Пропало к чертям!

Легкий ветерок напомнил Декстеру о том, что он все еще голый, и он раздосадовано прикрыл причинное место рукой.

– А твой бумажник тоже там был? – спросила она с искренним участием на лице.

– Нет, только немного денег. Не знаю, десять, может, пятнадцать фунтов… Маленький поганец.

– Что ж, полагаю, это одна из опасностей купания голышом, – пробормотала она, слегка улыбаясь.

– Больше всего штаны жалко. От Хельмута Ланга, между прочим! А трусы марки «Прада»! Мне эти трусы в тридцать фунтов обошлись! Да что с тобой такое? – Но Эмма не ответила: она давилась от смеха. – Ничего смешного, Эм! Меня ограбили!

– Знаю, прости…

– Это были штаны от Хельмута Ланга!

– Знаю! Просто… ты так злишься, и при этом голый. – Опустившись на колени, она низко наклонилась, ударяя кулаком по песку, потом повалилась на бок.

– Прекрати, Эм. Не смешно! Эмма! Эмма! Прекрати!

Когда она наконец смогла встать, они некоторое время бродили по пляжу молча. Декстер вдруг притих и засмущался. Эмма скромно шла впереди, глядя под ноги и пытаясь сдержать смех.

– Каким же надо быть козлом, чтобы украсть трусы! – сокрушался Декстер. – Знаешь, как я отыщу этого поганца? Найду единственную стильно одетую деревенщину на этом острове, и это наверняка будет он!

Эмма снова рухнула на песок, согнувшись пополам от хохота.

Не найдя трусы Декстера, они принялись прочесывать пляж в поисках хоть какой-нибудь одежды. Эмма нашла большой синий пластиковый мешок. Декстер облачился в него, смущенно придерживая у талии, как мини-юбку, а Эмма предложила разорвать мешок и сделать что-то наподобие фартука, после чего снова зашлась смехом.

Путь домой лежал вдоль главной набережной.

– Здесь намного больше народу, чем я предполагала, – заметила Эмма.

Декстер прошагал мимо уличной таверны, притворившись, что ему самому смешно, глядя прямо перед собой и не обращая внимания на раздавшийся вслед ему свист. Они углубились в город и, свернув в узкий переулок, вдруг столкнулись лицом к лицу с парочкой, устроившей голышом барбекю на пляже. Те раскраснелись от спиртного и солнца и пьяно цеплялись друг за друга, спускаясь по лестнице к гавани. Увидев Декстера в мини-юбке из мешка, они округлили глаза.

– Одежду украли, – коротко пояснил Декстер.

Парень с девушкой понимающе закивали и прошли мимо, а девушка обернулась и крикнула им вслед:

– Классная юбка!

– Она от Хельмута Ланга, – объявила Эмма, и Декстер злобно сощурился в ответ на ее предательский комментарий.

Он дулся всю дорогу до дому, и, когда они оказались в комнате, обоим было уже все равно, что кровать только одна. Эмма пошла в ванную и переоделась в старую серую футболку. Вернувшись в комнату, Эмма увидела синий мешок на полу у кровати.

– Ты бы повесил его, – сказала она, толкнув мешок ногой, – а то помнется.

– Ха… – произнес Декстер, который лежал на кровати в новых трусах.

– Так вот они какие.

– Кто *они*?

– Те самые трусы за тридцать фунтов. У них подкладка из меха горностая, что ли?

– Давай просто ляжем спать, ладно? Какая сторона твоя?

– Эта.

Они вытянулись параллельно друг другу. Прикосновение прохладных простыней к обожженной коже было просто чудесным.

– Хороший день, – заметила она.

– Не считая последнего происшествия, – пробурчал он.

Она повернулась и взглянула на него. Он лежал, глядя в потолок.

– Это всего лишь штаны и трусы. Я куплю тебе новые. Хлопчатобумажные, три штуки в упаковке.

Декстер фыркнул. Она взяла его руку под простыней и сильно ее сжала. Он повернул голову и посмотрел на нее.

– Я серьезно, Декс. – Она улыбнулась. – Я так рада, что мы здесь. Мне очень хорошо.

– Да. Мне тоже.

– Еще целых восемь дней, – проговорила она.

– Восемь дней. – Он нежно улыбнулся ей, и между ними все снова стало как раньше. – Сколько правил мы сегодня нарушили?

Она задумалась:

– Номер один, два и четыре.

– Что ж, по крайней мере, не играли в настольные игры.

– Еще успеем. – Она потянулась к выключателю за головой и выключила лампу, а потом повернулась на бок, спиной к Декстеру.

Все вновь стало как раньше, но она не могла понять, нравится ей это или нет. Она боялась, что не сможет уснуть на новом месте, однако, к счастью, навалилась усталость, и сон сам растекся по венам, как обезболивающее после укола.

– Спокойной ночи, Декс, – пробормотала она перед тем, как уснуть окончательно.

– Спокойной ночи, Эм, – отозвался он, но Эмма уже спала.

А он еще немного полежал, разглядывая потолок в голубом свете и думая о том, что сегодня был не на высоте. Глядя на Эмму, на ее затылок, волосы, разметавшиеся на подушке, слегка загорелую кожу, которая казалась совсем темной на фоне белых простыней, он чуть было не протянул руку и не коснулся ее плеча, но стыд от случившегося на пляже убил всякое желание. Больше всего на свете он ненавидел те ситуации, когда выглядел идиотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.